DOI: 10.23671/VNC.2019.1-2.41842

А. А. ТУАЛЛАГОВ,
СОИГСИ им. В. И. Абаева, Владикавказ

ИЗ ИСТОРИИ АЛАНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ И ГОСУДАРСТВА

Отдельные памятники эпиграфики и сфрагистики сохранили сведения о представителях высшей аристократии раннесредневековой Алании. К сожалению, они редко привлекают внимание специалистов. Но, как представляется, их анализ несет в себе потенциальную возможность для выхода на решения некоторых важных вопросов по истории государства аланов. Прежде всего, нам известны памятники, указывающие непосредственно на правителей Алании.

2 апреля 965 г. была составлена строительная надпись, одновременно являющаяся и документом об освящении храма, на стене Сентинского храма (совр. Карачаево-Черкессия), посвященного Богородице (второе освящение храма, возможно, связано со св. Николаем Мирликийским). В ней указывается на царствование Давида, эксусиократора Алании, и Марии, эксусиократориссы — «Δα(υι)δ εξουσηωκρατορ(ος) [Αλανιας κ(αι) Μαριας εξουσ[η]ωκρατ[ορισσης». На фреске внизу северной стены западного рукава Сентинского храма изображена Богородица, слева от которой фиксировалось изображение верхней части фигуры бородатого мужчины в византийском императорском венце с бармами и с нимбом. Не исключают, что здесь изображался сам эксусиократор Давид или иной аланский правитель. Расположение возле храма мавзолея, а в самом храме — богатейших захоронений с византийскими вещами позволили полагать, что здесь находился родовой некрополь аланской знати, возможно, даже семьи самого эксусиократора, что придавало освящению храма особое значение.

Отмечается, что правитель Алании имел особенно высокий статус в византийской дипломатии. Не исключено, что высокий титул эксусиократора (εξουσια — «сила», «мощь», «право», «власть» и κρατεω — «имею власть», «обладаю», «побеждаю» (Sophokles E. A. 1900. P. 487; Малахов С. Н. 2019. С. 295), впоследствии занимавшего первое место среди всех титулов иноземных правителей (Constantini Porphyrogeniti. MDCCCXXIX. P. 679;

Люттвак Э. Н. 2010. С. 197–198), был введен специально для правителя Алании (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2004. С. 175–176; 2005. С. 137–141, рис. 7, 8; 2005а. С. 181–183; 2011. С. 44, 47, 52, 172, 241–244; Виноградов А. Ю. 2006. С. 129, 133–134, 145–146; Ivanov S. A. 2008. P. 322). Единожды данный титул упоминается во множественном числе в поэтическом произведении XII в. (Recueil des Historiens des Croisades. M DCCC LXXI. P. 93, 145 C) безотносительно конкретных лиц, вероятно, в целях риторического усиления (Малахов С. Н. 2019. С. 195). Давнее предложение об использовании данного титула на Руси сегодня справедливо отвергается (Янин В. Л. 1970. С. 42–43; Малахов С. Н. 2019. С. 196). Остаются невостребованными прошлые сомнения (Агрба И. Ш. 1989. С. 140–142) относительно значимости титула аланского правителя.

Впервые данный титул как официальный фиксирует около середины X в. Константин Багрянородный (Const. Porph. De adm. imp. 10, 11; De cerim. 2, 48), возможно, появляясь несколько ранее (Малахов С. Н. 1995. С. 19–20; 2019. С. 291–298). Усматривать в титуле подчеркивание военного вассалитета Алании по отношению к Византии (Seibt W. 1978. S. 312) совершенно нет никаких оснований (Малахов С. Н. 2019. С. 295). Ранее в западноевропейских письменных источниках правитель аланов определялся, например, как βασιλεύς, κύριος, ηγούμενος (ηγέμων), а также, возможно, хоть и небесспорно (Зетейшвили С. Г. 1976. С. 84), иранским титулом bythš — питиахш (Marquart J. 1903. S. 168; Altheim F., Stiehl R. 1957. S. 78; Алемань А. 2003. С. 319, 320), что во втором случае, несомненно, не имеет обоснований в других «решениях» (Вагапов Я. С. 1990. С. 81). Попытки усмотреть в имени аланского правителя Саросия (Сародий) и хазарского военачальника Ас-Тархана (Раж-тархан) титулы некорректны как с исторической, так и этимологической позиций. Введение титула «эксусиократор» сопровождало процесс обретения независимости Алании от Хазарского каганата, в «лоскутную империю» которого она ранее входила, сохраняя заметные автономные позиции.

Прежнее положение, по мнению исследователей, отражалось и в титулах аланских правителей. Ибн Руста фиксировал его в форме B.ġāy.r, т. е., несомненно, *Baġātar. До сих пор ученые не пришли к единому мнению, считать ли данный титул иранским, тюркским, тюрко-монгольским по происхождению, или полагать его изначально иранское происхождение, которое через тюркское посредство вернулось к аланам, сохраняясь в современном лексическом фонде осетинского языка. По ал-Масуди, аланские правители носили титул K.rk.ndāġ, т. е. *kär-kündäǧ (пехл. kundāg — «волшебник», «предсказатель» (?)) (возможно и иное решение (Яйленко В. П. 2010. С. 451)? — *А. Т.*), сопоставимый с хазарским титулом к.нд.р-хакан и

титулом главы или заместителя царя (глава общества, судья) мадьяр к. нд.а (Marquart J. 1903. S. 167–168; Minorsky V. 1958. P. 156, n. 1, 169, n. 8; Golden P. B. 1980. P. 202–204; 2006. P. 22–23; Алемань А. 2003. С. 343, 347, 348, 362–363; Калинина Т. М. 2005. С. 46; 2014. С. 80). Данные сведения повторяет и Абу ал-Касим (d'Ohsson C. 1928. P. 23). Современные попытки предложить иную форму титула для его более удобного «перевода» с чеченского языка (Арсанукаев Р. Д. 2002. С. 103; Хизриев Х. А. 2014. С. 66), мягко говоря, неубедительны.

Наличие одновременно двух титулов у аланских правителей вызывало к себе естественные вопросы. Некоторые исследователи посчитали, что аланские правители подражали хазарскому двору во внешнем оформлении своей власти, а наличие двух титулов могло бы объясняться традициями различных аланских племен, хотя наблюдался процесс политической консолидации Алании, когда царское достоинство принадлежало конкретному племени, одному из четырех (Кузнецов В. А. 1992. С. 164–165, 234). Однако такое предложение сомнительно, поскольку ни один источник не знал в отношениях с Хазарским каганатом нескольких аланских правителей, а Ибн Руста фиксировал действительное положение.

С учетом этимологии *kär-kündäğ, если согласиться, например, с мнением исследователей о его рассмотрении как титула хазарского происхождения (Minorsky V. 1958. P. 156, n. 1), логичнее отнести его к хазарскому титулу официально подвластных каганату аланских правителей, тогда как *Baġātar может представлять собственную аланскую титулатуру. Заметим, что *Baġātar исторически проявляет более тесную связь с историей аланских социальных верхов, тогда как *kär-kündäğ более никогда в ней не проявляется, если не привлекать предположение о его присутствии в имени эмира Аббасидского халифата конца IX в. Исхака ибн Кундаджика ал-Хазари северокавказского (хазарского?) (Minorsky V. 1958. P. 158, n. 1; Marquart J. 1903. S. 18, 168, amn. 4) или аланского происхождения (заимствовано из пехлевийского kundāk — «мудрый», «герой» с тюркским оформлением) (Golden P. B. 1980. P. 202–204; но Golden P. B. 2006. P. 23).

Особый интерес вызывают печати аланских правителей. В данном случае сразу оговоримся, что некогда предполагавшаяся трактовка надписи на агатовой гемме IV–V вв. из частной коллекции как «Асай, принц аланов», несмотря на некоторые современные указания (Alemany A. 2017. P. 53), аргументировано исправлена на «Асай, наследный принц Арана». Она принадлежала Асаю, будущему правителю Арана, т. е. Кавказской Албании (~399-420 гг. или ~405-415 гг.), из рода Аршакидов. Его принадлежность к правящей династии Албании подтверждается и сведениями Мовсеса Каланкатуаци и Киракоса Гандзакеци (Хуршудян Э. Ш. 2013. С. 191–199).

До самого последнего времени фиксировалось не две, как иногда полагают (Пьянков А. В. 2011. С. 29), а три печати (моливдовула) правителей Алании. Наиболее ранней из ставших известных является печать эксусиократора Алании Гавриила, приобретенная на базаре в Стамбуле (Schlumberger G. 1884. S. 429, № 1; Лихачев Н. П. 1911. С. 77, рис. 162; Seibt W. 2004. S. 53, abb. 3; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2004. С. 55; Шандровская В. С. 2015. С. 339–340, ил. 3) и ныне хранимая в Государственном Эрмитаже (М-8274). Печать датируют 1030 – началом 1040-х гг. На аверсе печати представлено погрудное изображение Богоматери Никопеи, держащей медальон с оглавным образом Христа Еммануила.

Впервые образ Богоматери Никопеи в рост встречается на печатях императора Маврикия (582–602 гг.). Окончательно образ Богоматери Никопеи, включая представленный на нашей печати, сложился в искусстве Византии в эпоху Комнинов, видимо, являясь символом победы и будучи палладиумом императорского дома, Византии и эмблемой триумфов ее войск над врагом (Кондаков Н. П. 1915. С. 107–108, 124–138; Шандровская В. С. 1999. С. 196; Бобров Ю. Г. 2010. С. 200; Новичихин А. М. 2017. С. 199–200). По сторонам изображения надпись: «Μ(ατη)ρ Θ(εου)» — «Богоматерь». На реверсе надпись: «†Γαβριηλ εξουσηωκ[ρα]τορ(ος) Αλανιας†» — «†Гавриил, эксусиократор Алании†» (илл. 1) (здесь и далее иллюстрации приводятся без масштаба — *А. Т.*).

По мнению исследователей, правитель Гавриил может быть отождествлен с овсским правителем Урдуре («Картлис Цховреба», «История царства грузинского» Вахушти Багратиони) или с «великим царем овсов» Дорголелом/Дургулелом («Картлис Цховреба»). Полагают, что фрагментированное

Илл. 1. Печать Гавриила, эксусиократора Алании
(по: Шандровская В. С. 2015)

изображение Урдура вместе с Квирике в императорских лорантных одеяниях может быть представлено на плите из алтарной преграды храма Зедазени в Кахетии первой половины XI в. (Schlumberger G. 1884. S. 429–431; Seibt W. 1978. S. 312; 2004. S. 53, abb. 3, 54; Малахов С. Н. 2015. С. 74–79; Виноградов А. Ю. 2006. С. 146–147; Белецкий Д. В. 2011. С. 51–52, сн. 160; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 52–53, 54, 56–59). Урдуре погиб во время своего вторжения в Кахетию. В 1029 г. убивший его кахетинский царь Квирике III был сам убит мстившим овсом (Алемань А. 2003. С. 416–417).

Однако некоторые исследователи рассматривали Урдура одновременно как независимого от Дорголела правителя и как полунезависимого или даже вассального правителя отдельной области в восточной части Алании (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 219–220). В последнее время высказаны возражения против самого признания за Урдуром царского происхождения (Мамиев М. Э. 2016. С. 13–19), а Гавриил отождествляется с сыном Урдура (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 57) или с неким предшественником Дорголела (Мамиев М. Э. 2015. С. 24; 2017. С. 66–67). Во втором случае категорически отрицается возможность отождествления Гавриила с Дорголелом, что не представляется достаточно обоснованным.

Полагают (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 57), что речь могла идти о том правителе Алании, который в 1032 г. и 1033 г. в союзе с сарирцами или русами предпринял походы против Ширвана, закончившиеся поражением. В 1032 г. только небольшому числу аланов вместе с их правителем удалось спастись (Minorsky V. 1958. P. 32, 47; Алемань А. 2003. С. 357, 358). Не исключается и отождествление с аланским правителем Константином Аланом, что связано с находкой печати в 2015 г. в Анакопийской крепости, в Абхазии (Малахов С. Н. 2017. С. 108–109). Но данное отождествление нуждается в отдельном рассмотрении.

Что касается этимологических решений по именам Урдура и Дорголела, то они ограничены и дискуссионны. Здесь и далее не касаемся надуманных «предложений» некоторых авторов (Вагапов Я. С. 1990. С. 77, 97; Байрамкулов А. М. 1999. С. 140, 182, 196, 362; Кубанов А. Х. 2004. С. 55, 56; Хатуев Р. Т. 2007. С. 63, 64, 65; История… 2010. С. 423; 2010а. С. 72, 73; 2010б. С. 415 и т. п.), озабоченных далекими от науки целями. Видимо, впервые для Дорголела такое решение было представлено за счет выделения грузинского окончания слова -*эли* как указания на место жительства, т. е. «житель Дургуля», «дургулец» (Джанашвили М. 1897. С. 32–33, сн. 2). Гораздо позднее были предложены и другие решения: Urdure = осет. *Wyrduræg — «подобный камню» и Dorγolel-i = осет. dærğğun — «длинноволосый» (Андроникашвили М. К. 1966. С. 135, 529, 556). Еще одно

сомнительное предложение — осет.-ирон. «дур-гуыр» (Чичинадзе З. 1993. С. 80, 82) — «дур» — «камень», «гуыр» — «туловище (стан, талия)» (осет.-дигор. дор-гурæ). Возможно, при рассмотрении полагаемой второй части имени следует обратить внимание на названия осетинских божеств, типа Анæгол/Анигол и др., а также на осетинские лексемы, типа фудгол (фидгол)/фыдгул, в плане предлагаемых этимологических решений для их второй части -гол (Абаев В. И. 1958. С. 493; Дзиццойты Ю. А. 2003. С. 79–80).

Некогда З. Чичинадзе отмечал, что, согласно какой-то древней рукописи, царь Урдур в 1029 г. выпускал собственную монету. На одной ее стороне была арабская надпись с именем халифа, а на другой — надпись церковным языком (хуцури) с изображением креста в середине (Чичинадзе З. 1993. С. 87). Никакого подтверждения таким сведениям нет, и исторически они вряд ли возможны, копируя сведения о собственно грузинских монетах.

Вторая печать начала XII в. принадлежала севасту Росмику. На аверсе — изображение апостола Андрея в рост с крестом. По сторонам надпись: «Ο αγιος Ανδρεος» — «Святой Андрей». На реверсе надпись: «†Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) τω σω δ(ουλω) σεβαστ(ω) ο Ροσμικη(ς) †» — «†Господи, помоги своему рабу севасту Росмику†» (Seibt W. 1978. S. 311–312, № 170; 2004. S. 53, abb. 4, 55; М. Б. 1981. С. 240) (илл. 2). Пытаться предполагать

Илл. 2. Печать Росмика, севаста (по: Seibt W. 2004)

наличие в надписи «эксусиократор» (Перевалов С. М. 2011. С. 8) нет никаких оснований, если только не обратить внимание на неверное указание на титул эксусиократора на печати Росмика в публикации другого исследователя (Виноградов А. Ю. 2006. С. 148).

Ученые давно справедливо отождествили севаста Росмика с эксусиократором Росмиком (Ρωσμικης), или Ромиском (Ρωμισκην), который во главе аланского войска в составе византийской армии, согласно «Алексиады»

Анны Комниной, противостоял в 1108 г. норманнам Гвидо, брата Боэмунда Тарентского, в Эпире (Anna Comn. Alex. 13, 6, 1–2). Также справедливо было указано на ношение аланским правителем нехристианского имени, что позволило полагать его крестильным именем Андрей за счет появления на аверсе изображения апостола (Малахов С. Н. 2015. С. 77, 144). Учитывая, например, надписи русских князей и бояр того же времени, предложенное решение представляется вполне допустимым.

Говорит ли этот конкретный пример о культе апостола в Алании, о легендарном путешествии апостола в Аланию, о следах христианства в Алании в начале IX в., как полагают некоторые исследователи (Виноградов А. Ю. 2006. С. 103; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 16)? Видимо, ответить на такой вопрос невозможно без дополнительных разысканий. С другой стороны, сведения о таком путешествии апостола Андрея, несомненно, распространяемые церковью на Кавказе, в том числе, в Алании, не историчны, а, следовательно, не подлежат историческому разбору, лишь «освещая» позднее самой церковью известные христианские земли (Туаллагов А. А. 1995. С. 59; 2009. С. 131–132).

В таком положении критический анализ легенды об апостоле (Vinogradov A. Yu. 2017. P. 4, n. 14) не выходит за обозначенные границы и, как представляется, не несет в себе научной перспективы. Интересно предположение, что под именем Андрея Росмик мог упоминаться в несохранившейся до наших дней надписи из Шоанинского храма (Виноградов А. Ю. 2006. С. 150–151). Само имя Андрей позднее известно у венгерских ясов (Алемань А. 2003. С. 224).

Некоторые авторы посчитали, что титул «севаст» Росмик получил по окончании компании против Боэмунда Тарентского. Данное пожалование рассматривают как усиление престижа для Росмика, т. к. титул эксусиократора принадлежал списку иноземных наименований правителей, а титул севаста был лишен такого недостатка. При этом полагается, что титул жаловался родственникам императора (Мамиев М. 2014. С. 72; 2014а. С. 369–370; 2015. С. 27). Другие исследователи посчитали, что «севаст» был титулом Росмика до его воцарения (Пьянков А. В. 2011. С. 29). Наконец, отмечали, что Росмик предпочитал употреблять в своей титулатуре придворное византийское звание «севаст» (Малахов С. М. 2015. С. 78).

В распоряжении исследователей нет материалов, позволяющих установить очередность или одновременность наименования Росмика эксусиократором и севастом. Анна Комнина, называя его эксусиократором, могла следовать уже обычной титулатуре аланских правителей, установившейся со времен Константина Багрянородного. В его работе (Const. Porph. De cerim. 2, 48) ошибочно, что надо учитывать (Ostrogorsky G. A. 1936. S. 52;

Бибиков М. В. 2009. С. 244; Кузенков П. В. 2010. С. 81, 92–93, прим. 4), приводится и «эксусиаст» (Constantini Porphyrogeniti. MDCCCXXIX. P. 688) — титул, который относился к правителям Абхазии, к Фатимидам в Африке и к некоторым правителям Болгарии и Сербии (Коматина П. 2011. С. 61–75). Заметим, что попытка в некоторых грузинских изданиях рассматривать данный титул в отношении правителей Абхазии как принижающий их царственность (Очерки истории Грузии. 1988. С. 185), тенденциозна (Виноградов А. Ю. 2016. С. 37).

В связи с такой трактовкой ставится и аланский титул эксусиократора, для которого особо оговаривается отсутствие эпитета как в случае с эксусиастами Абхазии и приложение его к «князю аланов», т. е. архонту. Далее следует и указание на якобы долгую вассальную зависимость Алании от Византии (Очерки истории Грузии. 1988. С. 185, 188). Во-первых, Алания никогда не была в вассальной зависимости от Византии. Во-вторых, никакого принижения достоинств правителей в указанных титулах не наблюдалось. Показательно, что «князь аланов» представлен в издании через указание на труд Константина Багрянородного (Const. Porph. De cerim. 2, 48), в котором, в действительности, фигурирует не «князь» (архонт), а именно эксусиократор Алании (Алемань А. 2003. С. 243, 244). Исследователи вполне справедливо указывают (Малахов С. Н. 2019. С. 296), что и в период максимального сближения Алании с Византией не было никакой вассальной зависимости, о чем свидетельствует официальный титул императора Мануила I Комнина в грамоте 1166 г. (Ostrogorsky G. A. 1936. S. 58, amn. 54), в которой аланы не фигурируют в числе подвластных народов, в отличие от таких кавказских народов как армяне, лазы, иберы и зихи.

Возвращаясь к истории Росмика, следует указать, что нам не известно, участвовал ли он во всей компании против Боэмунда Тарентского. Конкретно в той битве, которую описывала Анна Комнина, аланы Росмика были вынуждены отступить, несмотря на их храбрость и упорство. Надо также иметь в виду, что титул «севаст» (греч. σεβαστός — «почтенный»), соответствующий лат. augustus (Sophokles E. A. 1900. P. 275, 982), лишь изначально жаловался только членам императорского рода. В XI в. его носителями становятся будущие императоры Никифор Вотаниат и Алексей Комнин. Со второй половины XI в. «севаст» стал жаловаться как членам самой императорской семьи, так и иноземным правителям. Алексей I Комнин (1081–1118 гг.) перевел титул «севаст» в разряд придворных званий, придумав еще звания протосевастов, пансевастов, паниперсевастов и севастократоров (Лихачев Н. П. 1991. С. 31–32; Кекавмен. 2003. С. 575–576, прим. 920), последний, который сопоставим с титулом деспота, — специально

для своего брата Исаака. Поэтому вопрос о «престижности» здесь не может рассматриваться в полагаемом выше ракурсе.

Что касается самого имени Росмик, то некогда его отнесли к группе имен, которые не поддавались иранской этимологии (Миллер В. Ф. 1992. С. 594). Впоследствии, при рассмотрении печати, было предложено связать его с иран. *razman — «боевой ряд» (Seibt W. 1978. S. 312, amn. 1). Исследователи, отмечая отсутствие соответствующей лексемы в осетинском языке, одновременно указывали на присутствие ее в имени ʼΟμράσμακος в надписи из Танаиса (225 г. — А. Т.). Среди иранских имен с razman наиболее близким к аланскому имени предложено считать согдийские Wn-rzmk, Yωδ-rzmk (Малахов С. Н. 2015. С. 76-77). Другие исследователи (Алемань А. 2003. С. 320) усмотрели в начальном элементе имени Росмика реминисценцию ρωξ, представленную в названии роксолан (иран. *rauxšna- — «свет», «светить» > осет. рохс/рухс — «свет», «светлый» — *А. Т.*), что сложно чем-нибудь дополнительно обосновать.

Предлагалось и сопоставление имени Росмик с осетинским именем Орæзмæг/Уырызмæг, которое и в других вариантах (Урузмæг, Орузмæг, Уорæзмæг, Уорузмæг, Уæрæзмæг) выступает именем одного из главных героев Нартовского эпоса осетин. Другой эпический герой носит имя Схъæл-Уæрæз. Имя Уæраз фиксируется в ономастиконе осетин-дигорцев (Гаглойти Ю. С. 2000. С. 255; 2017. С. 81, 167, 420–421, 450–451, 453, 456–458; Туаллагов А. А. 2001. С. 42; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 56). Данное иранское имя неоднократно фиксировалось источниками. Его, например, также усматривали в имени правителя абасгов Ресмага (ʽΡησμάγος), в имени правителя Хорезма Арсамуха I на монетах конца II – начала III вв., в имени мамлюкского эмира сотни аланского происхождения Аразмака (Хотко С. 1995. С. 214). Данное имя в форме «Узурабек» (Андроникашвили М. К. 1966. С. 137) фиксируется как овсское в грузинских источниках в событиях самого конца XIII в., хотя для него предлагается и иное происхождение (Алемань А. 2003. С. 428).

Обычно, если не касаться явно искусственных этимологий (Мудрак О. А. 2014. С. 364; Битарти З. А. 2016. С. 145–146; Чочиев А. Р., Наглер А. О. 2017. С. 66, 99), осетинское имя возводят к иран. *warāza — «кабан» (Абаев В. И. 1935. С. 66; 1989. С. 89, 127; Knobloch J. 1991. S. 64; Witzel M. 2003. P. 35; Чёнг Дж. 2008. С. 338; Дзиццойты Ю. А. 2018. С. 42). Однако следует указать и на решение о его связи с *ava-razmaka — «предводитель», что соответствует не только образу нартовского героя (Bailey H. W. 2003. P. 10), но и образу правителя алан. Решение находит свою поддержку со стороны осетинских эпических материалов (Дзиццойты Ю. А. 2017. С. 247–249). Данный круг предложенных этимологических решений

позволяет уточниться с приводившимся их кратким обзором (Гутнов Ф. Х. 2011. С. 147).

Была также предпринята попытка причисления имен Дорголела и Росмика, как и имен со знаменитой Зеленчукской надписи, к фонду собственно аланской, но уже христианской антропонимии (Мамиев М. Э. 2017. С. 66–67). Однако доказательная сторона такой попытки осталась без своего предъявления, заключаясь только в авторской убежденности. Обозначенный круг исторических личностей, носивших подобное имя, и прямо опровергает ее. С другой стороны, попытка игнорирует, как отмечалось выше, точно установленные факты, например, по печатям русских князей, в которых они выступали под своими традиционными именами, а их крестильные имена определялись по представленным на тех же печатях образах святых и т. д. как патронов князей. Известен и такой пример, когда на семи найденных экземплярах печатей одного типа Ярополка Владимировича, супруга ясыни Елены, видимо, периода его киевского княжения, он одновременно называется своими обоими именами — христианским Иоанн и традиционным Ярополк (Жуков И. 2011. С. 37, рис. 5, 38; 2018. С. 27, тип 5). Приводимые в данной работе материалы по печатям аланской аристократии также отвергают заявку на собственно аланскую христианскую антропонимию.

Наконец, стала известна печать середины XII в. Иоанна Хотеситана, эксусиократора Алании. На ее аверсе изображена Богородица, на реверсе надпись: «Ιω(αννη) εξουσηωκρατορι Α[λ]ανιας τω Χοτεσιταν(η)» — «Иоанну Хотеситану, эксусиократору Алании» (Seibt W. 2004. S. 53, abb. 5, 55) (илл. 3). Аланского правителя сопоставляют с царем овсов Худ(а)даном, фигурирующим в грузинской «Истории и восхвалении венценосцев», который выдал в начале 1150-х гг. свою дочь Бурдухан за младшего сына картлийского

Илл. 3. Печать Иоанна Хотеситана, эксусиократора Алании (по: Seibt W. 2004)

царя Димитрия I (1125–1156 гг.) и будущего правителя Георгия III (1156–1184 гг.) (Зайбт В. 2002. С. 14–15; Seibt W. 2004. S. 53, abb. 5, 55). Соответственно, полагают, что Худ(а)дан носил христианское имя Иоанн (Малахов С. Н. 2015. С. 145). Приводимая форма имени «(Х)Уддан» (Перевалов С. М. 2011. С. 8) не имеет никаких оснований, в том числе, и по изданию, на которое при этом ссылаются.

Обращает на себя внимание, что на печати два имени царя приводятся одновременно, как на упомянутых печатях Иоанна-Ярополка. Под таким двойным именем, составленным из традиционного и христианского имен, в грузинских источниках будет известен Давид-Сослан (в официальных документах только Давид), ставший мужем грузинской царицы Тамары. Так он значился и на аверсах медных монет вместе с Тамарой, без титулов и в сокращении шрифтом «мтаврули», не упоминаясь в арабских надписях на реверсе (Капанадзе Д. Г. 1949. С. 62–63).

Как известно, сама Тамара была рождена в браке, заключенном в начале 1150-х гг., младшего сына картлийского царя Димитрия I (1125–1156 гг.) — будущего правителя Георгия III (1156–1184 гг.) с овсской принцессой Бурдухан (?–1172 гг.) — дочерью аланского правителя Худ(а)дана. «История и восхваление венценосцев» начала XIII в. отмечает особую красоту Бурдухан и «ее преданность Христу», что справедливо рассматривается как указание на широкое распространение христианства в Осетии (Алании) или, во всяком случае, среди ее правящих кругов (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 42-43, 50, 51, 164, комм. 62).

Сохранилась надпись Бурдухан на грузинском языке на небольшой иконе-складне (Опись памятников… 1890. С. 88–89; Кондаков Н. П. 1915. С. 247). Одним из вариантов прочтения ее имени в данной надписи была форма Бардашхан (Хаханов А. С. 1904. С. 39–40). Если такое прочтение допустимо, то, возможно, мы имеем дело с более точной, или оригинальной формой, чем та, что фигурирует в «Истории и восхвалении венценосцев» — Бурдухан. В ее второй части тогда следовало бы допустить наличие известного социального термина, представленного в аланской истории (Налбандян Г. Н. 1977. С. 212; Габриелян Р. А. 1989. С. 72–73; Абаев В. И. 1989. С. 236; Алемань А. 2003. С. 390). Тогда в грузинском источнике следовало бы полагать его замещение на «хан».

Найти бесспорное этимологическое решение для традиционного имени аланского правителя, в случае принятия отождествления Хотеситана с Худ(а)даном, представляется сложным в силу заметного различия их форм. В целом, было предложено несколько решений для имени Худ(а)дана. Его связывали (Андроникашвили М. К. 1966. С. 529, 556) с осет. худдæн — «смеющийся», что очень сомнительно как семантически, так и

по форме слова (ходæг/худæг — *А. Т.*). Второе решение обращалось к xu — «добрый, добро» и dana — «вместилище», обнаруживая эквивалент в лице русских Благой, Добродетельный и полагая пропаганду христианства, в которой участвовали и аланские правители (Чочиев А. Р. 1985. С. 261, сн. 1). Третье решение исходит из иран. xudā — «господь», «бог» и tāna — «потомство» (Seibt W. 2004. S. 55). Четвертое предлагает, как и во втором случае, иран. *xu — «хороший, приятный, правильный», а для второй части *daina — «религия, вера», что предполагает значение в аланском языке «исповедующий правильную религию», «правоверный», «православный». Наиболее близким к аланскому признается среднеперсидское xu-dēn (Малахов С. Н. 2015. С. 144–145; 2017в. С. 303).

Если исходить из предложенных этимологий, то более конструктивной представляется третья. Интересно, что специалисты допускают к участию в формировании определения верховного бога осетинского пантеона «хуцау/хуыцау» иран. xutāw (xwatāw>ново-перс. xudā), xudāvand — «бог» (Szemerenyi O. 1964. P. 360–361, n. 5; Абаев В. И. 1989. С. 255–256; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2007. С. 426). Для второй части можно предложить и иран. *tanu, давшее в различных языках значение «тело», «личность», а в осетинском — тæнæ/тæн (Абаев В. И. 1979. С. 261), что сопоставимо, например, с конструкцией имени Вахтанг, или иран. -dāna, широко представленное в индоиранских языках в значении «вместилище», «место», как осет. -донæ/-дон (Абаев В. И. 1958. С. 367). Такая «божественная» составляющая имени напоминает о предлагавшемся выше подходе к решению по значению имени Дорголела.

Предлагаемая вариативность отражает общие сложности этимологических решений в ономастике. Для последнего решения препятствия касаются иной стороны. Как и при втором решении избирается форма «Худан», что ведет к избеганию сложностей с двойной *-д*. Полагаемое *daina дало в осетинском дин — «религия», «вера», что требует объяснения к форме в имени Худ(а)дан. Само получаемое значение имени странно для христианина, порождая невозможное нехристианское указание на христианина, или столь же невозможное подозрение хотя бы на тайное нехристианское вероисповедание его носителя. С данных позиций странной представляется и идея о пропаганде христианства.

Недавно было предложено полагать, что исторический аланский правитель Худдан мог бы скрываться за образом Челахсартага Нартовского эпоса осетин. В имени дочери эпического героя Бедуха (Бедоха) усматривают «неизбежное для устной традиции просторечное искажение имени дочери царя Худдана — Бурдухан» (Салбиев Т. К. 2018. С. 19–23). Но данные трактовки пока остаются без основательной аргументации как с позиций

оснований исторической интерпретации эпических материалов, так и с позиции известной, исключая некоторые иные (Чочиев А. Р. 2000. С. 188; Малахов С. Н. 2015. С. 145), этимологии имени эпической героини (Bailey H. W. 2003. P. 13), противостоящей этимологии имени Бурдухан (Андроникашвили М. К. 1966. С. 529, 556).

Затронутый выше вопрос об аланском царевиче Давиде-Сослане (?–1207 гг.), видимо, нуждается в некотором освещении. «История и восхваления венценосцев» называет Давида-Сослана потомком (внуком? — *А. Т.*) картлийской принцессы — дочери Давида IV Возобновителя (1089–1125 гг.), выданной замуж в Осетию. Якобы по причине такого родства Давид-Сослан воспитывался при дворе Русудан, сестры Георгия III. Сразу после смерти правителя Русудан и Давид-Сослан прибыли к царскому двору. По другим вариантам, родство диктовалось по линии Бурдухан. После первого неудачного замужества Тамара вторым браком в 1188 г. или 1189 г. сочеталась с Давидом-Сосланом.

В данном случае не касаемся известной проблемы искусственного отнесения правящей династии Алании к линии картлийских Багратидов. История конструирования «багратидской генеалогии» аланского царевича достаточно хорошо прослежена исследователями (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 161–162; 1971. Ф. 85–93; 2010. С. 236–243; Тогошвили Г. Д. 1981. С. 102–113; 2014. С. 4–136, 2014а. С. 194–199), но остается до сих пор востребована в научных изданиях Грузии (Басилий Эзосмодзгвари. 2008. С. 323–324, комм. 23). Если одними исследователями данная «генеалогия» воспринимается некритично (Кузнецов В. А. 1990. С. 86–87), то другими предпринимаются попытки выдвижения гипотез, ищущих рациональные исторические поводы для ее появления (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 60–62).

Но такие гипотезы только таковыми и остаются. Заметим, что использование данных о дочери Давида IV Возобновителя, выданной замуж в Осетию, не вызывает к себе особого доверия, т. к. странным выглядит отсутствие точного указания на заключение именно междинастического брака. Брак Тамары и Давида-Сослана по факту пресек историю династии Багратидов в Картли (Тогошвили Г. Д. 1990. С. 17; 2014. С. 19), что вынуждало в дальнейшем правящие круги Картли к таким вымыслам. Отсюда, как считают, и отсутствие у Вахушти упоминания осетинской знатной фамилии Цæразонтæ (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 229–230).

Одни исследователи полагали, что оба имени овсский царевич носил изначально, другие решили, следуя некоторым утверждениям армянских источников, что имя Давид он получил только после бракосочетания с Тамарой (Тогошвили Г. Д. 1981. С. 103; 1990. С. 10–45; Гаглойти Ю. С. 2007.

С. 169). Также отмечалось, что имя Давид было собственным именем царевича, а само имя довольно часто встречалось в грузинских хрониках (Гуриев Т. А. 1991а. С. 67).

Сложно объяснить изначальное отсутствие христианского имени у Сослана в условиях несомненной христианской принадлежности аланских правителей. Сложно себе представить принятие, а затем воспитание Давида-Сослана при грузинском правящем дворе как некрещеного. Сложно представить свадьбу Тамары и Сослана в случае некрещенности Сослана.

Остается без должного объяснения некая связь личного имени аланского царевича с часто упоминаемым именем в грузинских хрониках. В круг такой связи, видимо, следует ввести гипотезу, по которой Вахушти Багратиони, создавая генеалогию Давида-Сослана, называет Давидом его прадеда (Алемань А. 2003. С. 418–419, сн. 64, 421, 425). Одни исследователи просто полагают, что Давид-Сослан был назван в честь этого своего прадеда (Алемань А. 2003. С. 425). Другие сопоставляют его с историей упомянутого Давида IV Возобновителя или Давида V (1155 г.) (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 60–62). По другой трактовке, Сослан якобы получил свое библейское имя Давид от грузин. Он был наречен именем Давид в грузинской среде как наиболее престижным в то время именем у местных династов (Цулая Г. В. 2007. С. 298; 2008. С. 337).

Однако известная надпись 965 г. из Сентинского храма, посвященного Богородице, свидетельствует о давней традиции наречением именем Давид у аланских царей. Вполне справедливо замечание, с позиции фиксации в письменных источниках, что впоследствии имя Давид дважды повторяется в семье аланских правителей (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 139). Но заметим, что, если в первый раз оно фигурирует в искусственно сконструированном списке Вахушти Багратиони, то во второй отнесено к реальному историческому лицу — аланскому царевичу Сослану. Таким образом, невозможно согласиться с утверждением, что Сослан якобы получил свое библейское имя Давид в грузинской среде как наиболее престижное в то время имя у местных династов. Имя Давид уже около 200 лет было известно у аланских правителей.

Крестильное имя Сослана могло только добавлять уверенности фальсификаторам генеалогии аланской правящей династии в возможности его использования для своих конструкций. Действительная история замужества аланской принцессы Алды за абхазским царем Георгием I (1014–1027 гг.) давало другой повод таким конструкциям. Следует обратить внимание и на некоторые другие наблюдения исследователей (Нарожный Е. И. 2007. С. 145). Возможно, известна и личная печать XI в. некоего Григория Алана, сына Давида (Балабанов Т. 2007. С. 44–45, таб. IV, 1; Jordanov I.

2009a. P. 602, 1202, № 1811). Таким образом, не исключено, что имя Давид было давно традиционным у аланских правителей и других представителей аланской аристократии.

Данные сфрагистики не ограничиваются только представлением аланских правителей, как может показаться при знакомстве с отдельными публикациями (Перевалов С. М. 2011. С. 8). Сведения о печатях высшей аланской знати, на которых полагают наличие родового имени «Алан», представлены и в исследовании (Seibt W. 2004. S. 55–56, 59, amn. 43–50), послужившим основой для данной публикации. Сведения о печатях представлены и в других научных изданиях. Такое положение, наряду с некоторыми выше приведенными наблюдениями, как минимум, свидетельствует о невнятном знакомстве с материалами автора публикации.

Кроме наличия определения «Алан» интерес представляет и некоторая возможность проследить карьеру алан, находившихся на византийской службе (Йорданов И. 2013. С. 528–529; Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 102, № 84; Виноградов Ю. А., Чхаидзе В. Н. 2018). Так, на аверсе одного из моливдовулов нанесено погрудное изображение святого Феодора, держащим в правой руке копье на плече, а в левой — щит, с вертикальной надписью по сторонам: «Ο αγιος Θεοδωρος» — «Святой Феодор». На реверсе шестистрочная надпись: «†[Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) τ]ω σω δου(λω) Γριγοριω π(ατ)ρι(κιω) (και) στρατηγω τω Αλανω†» — «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, патрикию и стратигу†». Моливдовул датируются серединой XI в. (Seibt W. 2004. S. 55–56), 1050–1060-ми гг. или второй половиной XI в. (Jordanov I. 2006. P. 46, № 21–22; 2009. P. 501, № 1524–1525; Йорданов И. 2013. С. 528).

Также заметим, что моливдовул Григория Алана указывает на необязательное прямое соотношение крестильного имени человека с изображением христианского персонажа, что, действительно, примерно с X в. было предпочтительным (Cotsonis J. 2008. P. 5–10), и как полагается, например, для моливдовула Росмика. Позднее имя святого Григория встречается в аланских маргиналиях (Lubotsky A. 2015. P. 41–42). На данном моливдовуле христианское имя Григорий впервые отмечается для самого аланского ономастикона.

Его приложение к якобы аланскому правителю VII в. (упоминается в событиях 662–664 гг. — *А. Т.*), принявшему христианство (Кузнецов В. А. 1978. С. 33; 2002. С. 29–30; Кодзаев К. М. 2008. С. 92; Бзаров Р. С. 2014. С. 245, 265; 2018. С. 19), некорректно. Оно базируется на давнем переводе на русский язык (Шестаков С. П. 1908. С. 123–124), вопреки некоторым современным представлениям (Догузов К. Г. 1992. С. 17), латинского перевода «Commemoratio», составленного Анастасием Библиотекарем, где

аланы (Scholion sive Hypomnesticum. 1870. Col. 684A) стоят вместо лазов греческого оригинала Феодора Спудея (Епифанович С. Л. 1917. С. 13; Maximus the Confessor… 2002. P. 154, 155), что также давно отмечалось исследователями, поддерживавшими лазскую идентификацию (Бриллиантов А. 1918. С. 37, сн. 1). Действительно, не исключено, что первоначально не в оригинале (Кекелидзе К. 1912. С. 32–33), а в латинском переводе на место лазов были поставлены абасги. В пользу лазской (Латышев В. В. 1911. С. 177; Догузов К. Г. 1989. С. 29), а не аланской (Муретов М. Д. 2009. С. 212) идентификации, по справедливому замечанию специалистов, говорит и то, что резиденция Григория, правителя лазов, находится именно в Лазике, и то, что он носит византийский титул патрикия (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 17; Виноградов А. Ю. 2013а. С. 221, сн. 11, 222, 229–230, сн. 47; Мамиев М. Э. 2014. С. 49, сн. 1). В круг данной идентификации включаются и некоторые другие решения (Воронов Ю. Н. 1998. С. 65–67).

Вызывают сомнения и сведения 668 г. о Григории, настоятеле монастыря Иоанна Крестителя в Алании (Кузнецов В. А. 1978. С. 34; 2002. 30; Бзаров Р. С. 2014. С. 245, 265), т. к. в источнике и его переводе речь шла о настоятеле из монастыря в Албании (Maximus the Confessor… 2002. P. 164, 165; Scholion sive Hypomnesticum. 1870. Col. 687D; Муретов М. Д. 2009. С. 220; Епифанович С. Л. 1917. С. 17). Исправление на «Алания» содержится в публикациях исследователей (Бриллиантов А. 1918. С. 7; Архиепископ Стефан (Каладжаишвили). 2013. С. 11), но насколько оно верно, как и сообщение самого источника, судить сложно. Конечно, можно подозревать ошибку в источнике. Но она, как представляется, в меньшей степени относится к Алании (Кекелидзе К. 1912. С. 11, сн. 3) и, скорее, — к Абасгии (Дбар Д. 2001. С. 189, 191). В грузинских переводах с греческого текста Осетия, т. е. Алания, фигурирует только как граничащая с местами событий страна (Кекелидзе К. 1912а. С. 477–480, 485).

Титул «патрикий» (Sophokles E. A. 1900. P. 865) был одним из высших в табеле о рангах Византийской империи, жалуясь полководцам и высшим чиновникам. Он занимал пятое место в числе высших титулов первого ранга в IX–X вв. Постепенно в XI в. его значение снижается. К XII в. упоминание титула прекращается (Кекавмен. 2003. С. 424, прим. 339). Титул «стратиг» (Sophokles E. A. 1900. P. 1014) изначально присваивался назначавшимся императорами военачальникам-наместникам административных округов или провинций — фем, которые обладали всей полнотой гражданской и военной власти. Стратиг обычно был протоспафарием. К середине IX в. их статус снижается, и они обычно становятся правителями небольших областей, входивших в составы фем, или комендантами городов и крепостей. С XI в. постепенно гражданская власть переходит от них к судьям,

а военная власть — к катепанам и дукам (Лихачев Н. П. 1991. С. 34; Кекавмен. 2003. С. 344–345, прим. 54).

Следующая печать, долго не публиковавшаяся, обнаружена на территории современной Болгарии, при раскопках крепости, датируется второй половиной XI в. (Seibt W. 2004. S. 55–56), 1060-ми гг. (Йорданов И. 2013. С. 528), последней третью XI в. (Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 102, № 84; Чхаидзе В. Н. 2016а. С. 327). На аверсе вновь представлено погрудное изображение святого Феодора, держащего в правой руке копье на плече, а в левой — щит, с вертикальной надписью по сторонам: «Ο αγιος Θεοδωρος» — «Святой Феодор». На реверсе семистрочная надпись: «†Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) τω σω δου(λω) [Γρη]γοριω ανθυπατ(ω) (και) κατ(ε)παν(ω) το Αλαν(ω)†» — «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, анфипату и катепану†» (Jordanov I. 2006. P. 47, № 21–22; Йорданов И. 2013. С. 528–529) (илл. 4).

Изначально «анфипат» (Sophokles E. A. 1900. P. 171) был должностью (проконсул), затем перешел в разряд очень высоких титулов. В IX в. образовал в соединении с патрикием двенадцатый и тринадцатый ранги над протоспафарием, в тех должностях, что ранее предназначались для протоспафария. Титул «анфипат» жаловался в знак отличия, за особые заслуги перед императором. Он превосходил титул «патрикий». Анфипат не мог быть не патрикием и наоборот. В XI в. занимал десятое место в числе высших титулов первого ранга в византийском табеле о рангах. Анфипаты-патрикии находились во главе первого класса византийского табеля о рангах (Лихачев Н. П. 1991. С. 42).

Титул «катепан» (Sophokles E. A. 1900. P. 651) с IX в. жаловался командирам небольших отрядов иноплеменников или подчинявшимся стратигам

Илл. 4. Печать Григория Алана, анфипата и катепана
(по: Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016)

наместникам небольших административных единиц внутри фем. С X в. катепаны сами становятся наместниками крупных пограничных фем. В этот период титул «катепан», видимо, несколько уступал титулу «дука», но с XI в. они становятся равнозначными. В пределах военно-административного округа — катепаната — катепан обладал всей полнотой военной и гражданской власти, будучи ответственным только перед самим императором. О высоком положении катепанов свидетельствуют письменные источники того времени (Guillermi Apuliensis. MDCCCLI. P. 243). Упоминание данного титула исчезает с конца XI в. (Кекавмен. 2003. С. 379-380, прим. 225).

Наконец, на последней печати на аверсе нанесено изображение святого воина в рост, держащего в правой руке копье, а в левой — поставленный на землю щит. Некоторые исследователи предположительно видят в изображенном святого Димитрия как воина (Jordanov I. 2006. P. 47, № 21–22; Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 11). Но такое определение противоречит выше приведенным данным об изображениях на печатях Григория Алана св. Феодора. На реверсе шестистрочная надпись: «†[Κυριε βοηθει τω σω δουλω Γ]ρηγοριω π(ρ)ωτωπ(ροε)δρω (και) δουκ(ι) τω Αλαν(ω)†» — «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, протопроедру и дуке†». Печать датируется последней третью XI в. (Seibt W. 2004. S. 56), 1070-1080-ми гг. (Jordanov I. 2006. P. 47, № 21–22; Йорданов И. 2013. С. 529).

Титул «протопроедр» (Sophokles E. A. 1900. P. 958) появляется в конце 1050-х или в самом начале 1060-х гг. и присваивается узкому кругу близких родственников императора и самых высших чиновников Византийской империи. Полагали, что Никифор Вотаниат был едва ли не первым протопроедром (Лихачев Н. П. 1991. С. 100, 150). Возникновение титула помещают также между 1060 и 1070 гг. (Йорданов И. 2013. С. 525). Очень высокий статус титула сохраняется минимум до начала 1080-х гг. В результате предпринятых вскоре Алексеем I Комниным (1081-1118 гг.) изменений в византийском табеле о рангах к жалованию данным титулом были допущены представители более низких слоев элиты. Такой допуск привел к постепенному снижению статуса титула на рубеже XI и XII вв.

Титул «дука» (Sophokles E. A. 1900. P. 395) присваивался военным управляющим в провинциях и главам пограничных войск. С конца X в. дуки становятся наместниками провинций, нередко объединяющих несколько фем во главе со стратигами. Как в случае с катепанами, такие провинции обычно были пограничными. Дуки, как и катепаны, постепенно перехватывают гражданскую власть у судей и военную — у стратигов, окончательно становясь в XII в. полновластными наместниками провинций (Кекавмен. 2003. С. 418–419, прим. 324).

Отмечаются также две находки булл Григория Алана как частного лица второй половины XI в. На аверсе представлено не некое изображение, как иногда полагают, святого воина, а вновь погрудное изображение святого Феодора, что подтверждается следами от вертикальной надписи. На реверсе пятистрочная надпись: «†Κ(υριε) β(οη)θ(ει) τ(ω) σ(ω) δουλ(ω) Γρηγορι(ω) τ(ω) Αλαν(ω)†» — «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану†» (Jordanov I. 2006. P. 47, № 21–22; Йорданов И. 2013. С. 529; Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 11).

В целом, исследователи восстанавливают карьерное продвижение Григория Алана (Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 102, № 84) в следующем порядке: 1. патрикий и стратег 1050-1060-е гг.; 2. анфипат и катепан 1060-е гг.; 3. протопроедр и дука 1070–1080-е гг. (Jordanov I. 2006. P. 47, № 21–22; Йорданов И. 2013. С. 529). Как справедливо отмечали исследователи, о Григории Алане ничего не известно из письменных источников, но приведенные находки вполне могли принадлежать одному человеку. В связи с ними ставилась и следующая находка (Jordanov I. 2006. P. 46-47, № 21-22).

В Болгарии отмечается еще одна личная печать XI в., первоначально датированная X в., некоего Григория, найденная в 2005 г. На аверсе, между краем печати и окружностью из точек, представлена круговая надпись: «†Κ(υρι)ε βοηθει τω σω δουλω» — «Господи, помоги своему рабу». В центральном круге представлены буквы A и N, над ними — буква Λ. На реверсе четырехстрочная надпись, завершающаяся равноконечным крестом. В двух первых строках представлено имя: «Γρηγοριο…» — «Григорию…». На третьей строке представлена буква C, после которой поставлена точка, а затем следуют буквы ΟΥCΔ. На четвертой строке нанесена буква A, через двоеточие буква Δ (илл. 5). Одни исследователи не берутся точно установить

Илл. 5. Печать Григория Алана (?), сына Давида (?)
(по: Балабанов Т. 2007)

содержание двух последних строк, предполагая возможность наличия в них церковной должности или титула Григория.

Другие исследователи предположили, что надпись могла читаться так: «†K(υρι)ε βοηθει τω σω δουλω Γρηγορηος οιυς Δα(υρ)δ†» — «†Господи, помоги своему рабу Григорию, сыну Давида†», в которой представлено некоторое отклонение — написание имени в именительном падеже. Три буквы в центре круга на аверсе, как полагают, могли бы указывать на этническое происхождение ее владельца — Αλανος (Балабанов Т. 2007. С. 44–45, таб. IV, 1; Jordanov I. 2009a. P. 602, 1202, № 1811). Мы могли бы констатировать, что Григорий Алан был из семьи, которая, судя по имени его отца, уже традиционно исповедовала христианство.

Кроме того, исследователи указывали на наличие печати протоспафария Сергия Алана. На аверсе нанесено погрудное изображение Иоанна Предтечи, благословляющего правой рукой и держащего скипетр в левой руке. С двух сторон вертикальная надпись: «O (αγιος) Iω(αννης) ο Πρ(ο)δρ(ο)μ(ος)» — «Святой Иоанн Предтеча». На реверсе пятистрочная надпись: «†K(υρι)ε βο(ηθει) τω σ(ω) δουλω Σεργιω (πρωτο)σπα(θαριω) του Αλανου†» — «†Господи, помоги своему рабу Сергию Алану, протоспафирию†» (илл. 6). Печать датируется второй четвертью XI в. (Seibt W. 2004. S. 56; Йорданов И. 2013. С. 530) или первой половиной XI в. (Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 218, № 193; Чхаидзе В. Н. 2016а. С. 329; Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018). Как и для моливдовула Григория Алана отметим отсутствие прямой связи между именем человека и изображением христианского персонажа.

Изначально протоспафарии возглавляли меченосцев-телохранителей (спафарии). Затем «протоспафарий» (Sophokles E. A. 1900. P. 959)

Илл. 6. Печать Сергия Алана, протоспафария
(по: Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016)

стал одним из высших почетных военных титулов. Он занимал одиннадцатое место в числе высших титулов первого ранга Византийской империи. Титул обычно жаловался военным, особенно в XI в. Статус титула постепенно снижался, став жаловаться гражданским чиновникам. Титул исчез в начале правления Алексея I Комнина.

Известно также две долго не публиковавшиеся печати Георгия Алана (DO 58.106.4063 и DO 58.106.4305) последней трети XI в. На аверсе печати помещено погрудное изображение святого Георгия, держащего в правой руке копье на плече, а в левой — щит. С двух сторон вертикальная надпись: ««[Ο α]γ[ιος] [Γεω]ργ(ιος)» — «Святой Георгий». На реверсе — четырехстрочная надпись: «Σφραγ(ις) Γεοργ(ι)ου ω τω(ν) Αλαν(ων)» (Seibt W. 2004. S. 56, 59, amn. 50; Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 11; Йорданов И. 2013. С. 528) или «Σφραγ(ις) Γεοργιω ω τω Αλαν(ω)» (Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 103). Заметим, что в отличие от предыдущего примера, на данной печати имя владельца совпадает с именем его святого патрона. Интересно наблюдение исследователей, что при несомненном проникновении имени Георгий, например, в Абхазию и Грузию из Византии как христианского, в самой Византии оно не было популярным в правящих кругах, т. к. его демократический характер («землепашец») был чужд высокому самомнению византийских правителей. В Абхазии и Грузии, наоборот, имя проникло во все слои обществ, включилось в процесс ономастической христианизации главных местных божеств, стало популярным у местных династов (Цулая Г. В. 2008. С. 124, 126).

Следует полагать, что в данном процессе Алания разделяла представления своих непосредственных соседей. Имя Георгий было обычным в ономастиконе аланов (Гуриев Т. А. 1991. С. 36; Алемань А. 2003. С. 402, 553). Но, заметим, если полагается, что распространение имени Георгий среди грузин с X в., а затем от них в Абхазии, ведет к вытеснению им у правителей имен византийских императоров (Цулая Г. В. 2006. С. 17), то в царственном ономастиконе Алании такой показательной смены не происходит.

Известна печать Леонтия Алана, протоспафария и ипата, датируемая третьей четвертью XI в. (Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 214, № 189; Степаненко В. П. 2016. С. 455; Чхаидзе В. Н. 2016а. С. 329). На аверсе изображены Богоматерь с ребенком и двухсторонняя надпись: «Μ(ητ)ηρ Θ(εο)υ» — «Богоматерь». На реверсе шестистрочная надпись: «†Θ(εοτο)κε βοηθει τω σω δου(λω) Λεοντ(ι)ο (πρωτο)σπαθ(α)ρ(ιω) (και) [υ] πατω του Αλανου†» — «†Богородица, помоги своему рабу Леонтию Алану, протоспафарию и ипату†» (илл. 7). Что касается ранга ипата (Sophokles E. A. 1900. P. 1108), то в IX–X вв. он был простым титулом без должности и

Илл. 7. Печать Леонтия Алана, протоспафария и ипата
(по: Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016)

расценивался очень низко. Но в XI в. он становится выше спафария (Кекавмен. 2003. С. 543–544, прим. 827, 829).

Исследователи также отмечают, что на печатях Сергия Алана и Леонтия Алана вместо формы τω Αλανω дана форма του Αλανου (Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. 2016. P. 102, № 84, 214, № 189), указывая на нетвердое знание греческого языка, что, по их мнению, подтверждает предположение о «византийских» аланах, встроившихся в военные и управленческие структуры империи в XI-XII вв. и не покидавших ее территорию (Малахов С. Н. 2017. С. 111–112). Некоторые исследователи рассматривают форму о του Αλανου на печатях Георгия Алана как указание на то, что их владелец был племянником кого-то из алан, пришедшим на службу в Византию (Йорданов И. 2013. С. 528). Данную форму родительного вместо падежа дательного ὑπ(ά)τῳ τοῦ Ἀλανοῦ на печати Леонтия Алана предложено более правильно читать как ὑπ(άτῳ) τῷ τοῦ Ἀλανοῦ, т. е. «Алана», как способа представления в других случаях в XI в. (Malatras Ch. 2018. P. 176).

Отдавая приоритет поиску объяснения приведенных форм на основе данных греческого языка, позволим осторожно высказать и иную догадку. Возможно, в связи с такими ошибками следует поставить вопрос о негреческом (аланском?) происхождении мастера или мастеров, или об изготовлении печатей не в империи, а, например, в Алании. Ошибки могут свидетельствовать и о том, что обладатели печатей и их окружение не владели в совершенстве греческим языком, т. е. их «встраивание» было индивидуальным при сохранении своего этнического лица и соответствующих связей. Собственно, передача в указанных обращения имен Λεοντιο и Σεργιω в дательном падеже, а этнического определения, т. е. прозвища, του Αλανου в родительном падеже может отражать прямой перенос носителями аланского

Илл. 8. Печать Никиты Алана
(по: Йорданов И. 2015)

(староосетинского языка) падежной конструкции своего языка на греческий язык.

Еще одна печать была обнаружена в 2013 г. при раскопках в м. Малкото кале, с. Воден (Боляровко, Болгария). Находку связывают с находившейся там крепостью XI–XII вв. и датируют второй половиной XI в. или третьей четвертью XI в. На аверсе — изображение двух или трех святых воинов. Средний держит в правой руке копье и опирается левой рукой на щит, поставленный на землю. Изображенный слева также держит в правой руке копье на плече и опирается левой рукой на щит, поставленный на землю. На реверсе — надпись: «†Αγιοι του Θ(ε)ου β(οη)[θ(ει)] τε Νικε[τ(αν)] τον Α[λα]νον†» — «†Святые Бога, помогите Никите Алану†» (Йорданов И. 2015. С. 262, № 97. 1812в) (илл. 8).

Недавно внимание исследователей привлекли печати важного должностного лица из Херсона (Крым). На аверсе первой печати помещена крестообразная инвокативная монограмма «Θ(εοτο)κε βοηθει» с тетраграммой «τω σω δουλω». На реверсе — «Ζοπακ(η) υπ(ατω) (και) κυρ(ω) Χερσ(ωνος)» — «Зопаку, ипату и киру Херсона». На второй печати аверс близок первому, на реверсе — «Ζοπ[ακ(η)] υπατω κυρω Χε[ρ]σ(ω)νος — «Зопаку, ипату и киру Херсона» (илл. 9). На третьей вновь близкий аверс, на реверсе — «Ζοπ[α(κη)] β(ασιλικω) σπ[αθ(αριω) (και)] κυ[ρ] ω [Χερ]σ(ω)νο[ς]» — «Зопаку, императорскому спафарию и киру Херсона» (илл. 10). Печати хронологически относятся к первым десятилетиям существования византийской фемы в Крыму около 841–875 гг. Кир мог командовать местными союзными отрядами, которым отводилась важная роль в противостоянии с тюрками в условиях отсутствия собственно византийских сил. Имя кира Зопака связывают с осет. сау бæх — «черный конь», что позволяет предполагать

Илл. 9. Печать Зопака, ипата и кира Херсона
(по: Зайбт В. 2018)

Илл. 10. Печать Зопака, императорского спафария и кира Херсона (по: Зайбт В. 2018)

Илл. 11. Печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии (по: Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012)

аланское происхождение данного лица (Зайбт В. 2018. С. 522–524, 535, рис. 2, 536, рис. 3). В таком случае мы будем иметь второй, но более ранний пример, по сравнению с севастом Росмиком, представления алана в христианской инвокации своим традиционным, а не христианским именем. Если мы принимаем данную интерпретацию, то Зопак, скорее, мог быть из местных крымских алан, которые давно принимали христианство, в отличие от родственных им северокавказских алан, официальное принятие которыми христианства произойдет позднее.

В 2011 г. был обнаружен и вскоре введен в научный оборот найденный в районе Мекензиевых гор у г. Симферополь (Крым) моливдовул Никифора Алана. На аверсе нанесены изображения Богоматери Агиосоритиссы Халкопратийской, или определяемой только как Богоматери Агиосоритиссы (Шандровская В. С. 1999. С. 198), длани Господа и надпись: «Μ(ατη) ρ Θ(εο)υ» — «Богоматерь». На реверсе — семистрочная надпись: «†Κ(υρι) ε β(οη)θ(ει) Νικηφορω βεσταρχ (και) κατεπαν(ω) Χερσωνος (και) Χαζαρ(ιας) τω Αλανω†» — «†Господи (Богоматерь), помоги Никифору Алану, вестарху и катепану Херсона и Хазарии†» (илл. 11). Моливдовул датируется 1060–1080-х гг. или несколько позже (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 7–17; 2012а. С. 7; Алексеенко Н. А. 2012. С. 11; 2014. С. 71–72; 2017. С. 166–169, 426, кат. IV.1.1; Могаричев Ю. М. 2013. С. 340, 341; 2017. С. 72; Seibt W. 2013. S. 192; Степаненко В. П. 2014. С. 375; 2015. С. 56–57; Науменко В. Е. 2016. С. 72; Чхаидзе В. Н. 2016. С. 13-14; Zuckerman C. 2017. P. 314).

Не исключают (Алексеенко Н. А. 2017. С. 167), что тому же лицу могла принадлежать и другая ранее найденная печать. На аверсе — изображение святого воина в рост, анфас, опирающегося на копье правой поднятой рукой, левой поддерживая стоящий на земле щит. Слева — неясные следы вертикальной надписи. На реверсе — пятистрочная надпись плохой сохранности, предположительно читаемая так: «†Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) Νικη(φορω) κατε(πανω) Κερσ(ονος)†» — «†Господи, помоги Никифору катепану Херсона…†» (Соколова И. В. 1983. С. 166, кат. № 57, таб. XIX, 57) (илл. 12). Интересно, что в таком случае Никифор на своей официальной печати не привлекает определения «Алан». Вопреки высказанному замечанию (Чхаидзе В. Н., Устаева Э. Р. 2009. С. 197), наличие должности катепана на печати не подвергалось особому сомнению (Зайбт Н., Зайбт В. 1995. С. 94), а находка печати Никифора Алана справедливо рассматривается как подтверждение такому прочтению (Алексеенко Н. А. 2016. С. 462-463). О должности катепана говорилось выше, что позволяет вслед за другими исследователями (Храпунов Н. Н. 2004. С. 329) считать основной задачей катепана обеспечение обороны. Интересно, что гораздо познее у алан-ясов в

Илл. 12. Печать Никифора, катепана Херсона
(по: Соколова И. В. 1983)

Венгрии их руководители будут носить звания капитанов, источник появления которого исследователями не определяется.

Некоторые исследователи полагают, что Никифор Алан был представителем местных аланов Юго-Западного Крыма (Бубенок О. Б. 2017. С. 25–26), что гипотетически допустимо. Но, скорее, он был уже из числа северокавказских алан, как и другие упоминавшиеся аланы на службе Византийской империи. Титул «вестарх» (Sophokles E. A. 1900. P. 306) был учрежден Никифором Фокой, известен со второй половины X в. и исчезает в XIII в. В основном, он сочетался с исполнением должности. Его давали военным и гражданским столичным чиновникам высокого ранга, а также чиновникам, исполнявшим свои обязанности в провинции, например, полководцам (стратиги, катепаны, дуки), назначенным в пограничные области Византийской империи (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 8, 9; Степанова Е. В. 2005. С. 540; 2018. С. 13, 14; Роменский А. А. 2015. С. 219).

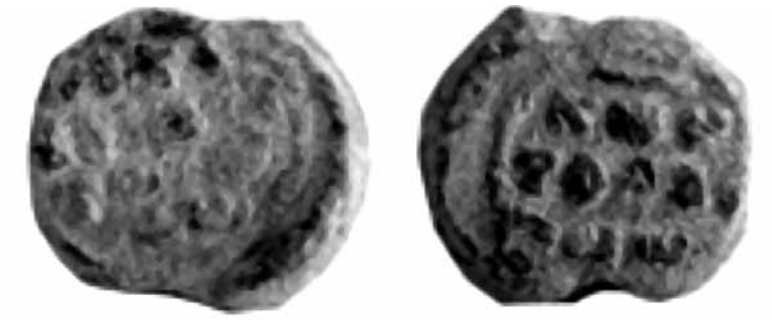
Интересно, что в районе Симеиза (Крым) весной 2012 г. был найден моливдовул, видимо, частного характера, с шестистрочной надписью на реверсе: «†K(υρι)ε βοηθ(ε)ι τ[ω] σω δ(ου)λω Ιω(αννη) Κομνηνω τω υ(ι)ω του σεβαστοκρατορος†» — «†Господи, помоги своему рабу Иоанну Комнину, сыну севастократора†» (илл. 13). На аверсе помещено изображение Преображения Господня. Находка датируется второй половиной XI-началом XII вв. и принадлежит Иоанну (1073-не ранее 1136 гг.), старшему сыну деспота Исаака Комнина и Ирины Аланы, племяннику императора Алексея I Комнина (Алексеенко Н. А. 2013. С. 405–410).

Его мать Ирина была дочерью эксусиократора Алании (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 138; Алемань А. 2003. С. 305, 307), т. е. Иоанн Комнин

Илл. 13. Печать Иоанна Комнина, сына севастократора
(по: Алексеенко Н. А. 2013)

являлся внуком аланского правителя. Некоторые сомнения в этническом происхождении Ирины (Каждан А. И. 1967. С. 174) за счет сведений Никифора Василаки (Алемань А. 2003. С. 305) напрасны, включая и вопрос о локализации Алании. Вполне справедливы замечания (Малахов С. Н. 2015. С. 81; Виноградов А. Ю. 2015. С. 150, сн. 59), что нет никаких оснований объявлять (Джанашвили М. 1987. С. 34, сн. 4; Анна Комнина. 1963. С. 464, комм. 189; Toumanoff C. 1990. P. 135) Ирину дочерью Димитрия, брата Баграта IV, или Димитрия, сына абхазского правителя Георгия I и аланки Алды. Находка печати Иоанна Комнина в Крыму сопоставляется с хронологически близкой здесь находкой печати Никифора Алана. Они позволили полагать тесные контакты высокопоставленного византийского вельможи, имевшего по материнской линии родственные связи с аланским правящим домом, со своими родственниками, обосновавшимися в Таврике (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012б. С. 8).

Сегодня особый интерес могут привлечь к себе данные сфрагистики о Константине Алане. Его небольших размеров моливдовул второй половины XI в., без указания рангов, представлен в собрании Dumbarton Oaks (DO.58.106.2314). На аверсе помещено изображение святого Георгия, держащего в правой руке копье, а в левой — опущенный на землю щит. Данная иконография святого воина Георгия восходит к изображениям византийских императоров, представленным на их монетах, и сложилась к концу X – началу XI вв. Данный тип изображения святого Георгия был типичен для XI–XII вв. (Лазарев В. Н. 1953. С. 204). По сторонам святого — вертикальная надпись: «Ο (αγιος) Γεωργ(ιο)ς» — «Святой Георгий». На реверсе пятистрочная надпись: ««†Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) τω σω



Илл. 14. Печать Константина Алана
(по: Йорданов И., Морева-Арабова Р. 2013)

δ(ουλω) Κων(σταντινω) (τω) Αλανω†» — «†Господи, помоги своему рабу Константину Алану†».

Ему же могла принадлежать печать с двусторонней надписью из частной коллекции, найденная в районе Асеновградско (Болгария), где была крепость Петрич, и также датируемая второй половиной, третьей четвертью XI в. На аверсе — четырехстрочная надпись: «†Θ(εοτο)κε βοηθει τω σω δου(λω)» — «Богоматерь, помоги своему рабу». На реверсе — трехстрочное продолжение надписи: «Κων(σταντινω) το Αλανω†» — «Константину Алану†» (Йорданов И., Морева-Арабова Р. 2013. С. 212, 217, таб. XXX, 7; Йорданов И. 2013. С. 529; 2015. С. 261–262, № 96. 11811а) (илл. 14).

По мнению специалистов, указанный на моливдовуле и печати Константин Алан может быть отождествлен с упоминавшимся Иоанном Скилицей магистром Константином Аланом (Seibt W. 2004. S. 56, 59, amn. 49–50; Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 10–11; Йорданов И., Морева-Арабова Р. 2013. С. 218; Йорданов И. 2015. С. 262). Согласно источнику (Ioannis Scylitzae. MCMLXXIII. P. 437, 438; John Skylitzes. 2010. P. 412), магистр Константин Алан в качестве помощника вестарха фемы Иверии Михаила Иасита, возглавившего византийские, иверийские и армянские отряды, участвовал по приказу императора Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.) в походе в конце лета-начале осени 1045 г. против архонта Двина (Тивия) и Персармении Аплисфара (курдский эмир Абу-л-Асвар). Поход оказался неудачным. Едва избежав гибели под Двином, Иасит и Константин Алан вернулись в Ани (Honigmann E. 1935. S. 176; Арутюнова-Фиданян В. А. 1973. С. 68, 77; Юзбашян К. Н. 1979. С. 77, 87).

Исследователи также указывают на сведения о стратиге Константине Алане, командовавшим в 1047 г. войсками в Иверии (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 51; Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018). Данная трактовка событий связана с соответствующим изданием (Dölger F. 1995.

S. 22, №№ 882, 883). Однако, надо полагать, речь должна идти не о Константине Алане, а стратиге-автократоре Константине, архонте великой гетерии, евнухе (паракимонен) из сарацин, который в 1046 г. заместил проедра Николая после указанного поражения под Двином (Honigmann E. 1935. S. 176; Арутюнова-Фиданян В. А. 1973. С. 67–70, 77; Юзбашян К. Н. 1979. С. 87).

Придворный титул «магистра» (Sophokles E. A. 1900. P. 726) был одним из высших византийских титулов. Он уступал только титулам куропалата, новилиссима и кесаря, обычно жаловавшимся родственникам самого императора. Постепенно в конце XI-XII вв. титул теряет свое значение и прекращает упоминаться в источниках. Считается, что присвоение титула «магистр» иноземным правителям указывало на их вассалитет. Однако доказательств в пользу такого положения в отношении аланских правителей нет. Само отнесение алан к числу вассалов Византии (Кузнецов В. А. 2014. С. 130) безосновательно. Оно произведено за счет трактовки других исследователей (Левченко М. В. 1940. С. 142) сведений труда Константина Багрянородного. Но в самом труде именно аланский эксусиократор предстает единственно независимым от Византии правителем (Алемань А. 2003. С. 244).

Полагают, что о пожаловании титула «магистр» Константину Алану при Константине IX Мономахе сообщал Георгий Кедрен (Georgius Cedrenos. MDCCCXXXIX. P. 559). Его деятельность протекала не в Алании, а в Византии. Сам он мог быть отцом или родственником дочери аланского правителя, которая в качестве заложницы находилась в Константинополе. Константин IX Мономах сделал ее неофициальной супругой и даровал титул севасты (Кузнецов В. А. 1992. С. 236–237). Заметим, что сообщение Георгия Кедрена полностью основывается на сообщении Иоанна Скидицы. Другие исследователи полагали, что магистр Константин Алан мог быть эксусиократором Алании, чему не противоречит титулярно-должностная параллель «магистр-эксусиаст». Но, скорее, в нем видят ромеизированного представителя правящей царской фамилии, брата или дядю аланской принцессы (Малахов С. Н. 2015. С. 154, 158).

Вопрос о ромеизированности Константина Алана остается открытым, поскольку содержание данной характеристики не имеет своего четкого определения. Мы можем только полагать, что Константин Алан в той или иной степени должен был адаптироваться к условиям византийской службы и культуры. Что касается положений о его деятельности только в Византии или о его одновременном правлении в Алании в бытность магистром, то они не могут быть верифицированы в силу отсутствия в нашем распоряжении иных необходимых для того источников.

Константин Алан уже в ранге проедра и вновь без царского титула значится в надписи на серебряной византийской чаше, обнаруженной в

Илл. 15. Блюдо Константина Алана, проедра
(по: Ballian A., Drandaki A. A. 2003)

составе драгоценной посуды в начале XX в. возле с. Величково (Пазарджишко, Болгария): «†K(YPI)E BOHΘEI KΩNCTANTINΩ ΠΡΟΕΔΡΩ ΤΩ ΑΛΑΝΩ†» — «†Господи, помоги Константину Алану, проедру†» (Йорданов И. 2013. С. 522–523, 534, обр. 1) (илл. 15). Палеографические и стилистические особенности надписи, по мнению исследователей, имеют прямые аналогии в надписях конца XI в. и особенно XII в. Дополнительно отмечается, что некий проедр Алан, без указания имени, известен и по надписи моливдовула второй четверти XI в. из собрания Dumbarton Oaks (DO.58.106.31934). Также приводятся указанные выше сведения о магистре Константине Алане.

Как отмечают исследователи, учитывая именную гравировку с указанием высокого византийского титула, регулярно встречающегося с середины XI в. у представителей церковных верхов и военной аристократии, скорее всего, весь набор посуды принадлежал Константину Алану. Но в данном случае, речь, несомненно, идет о военном, а не о церковном титуле. Богатство набора подчеркивает, что его владельцем был высокопоставленный представитель аристократической элиты.

«Проедр» (Sophokles E. A. 1900. P. 925) был одним из самых высоких титулов, но не должностей (Schlumberger G. 1884. P. 572; Лихачев Н. П. 1991. С. 89, 100, 150). Он был создан со времени вступления на престол

Никифора Фоки в 963 г. и имел разнообразные значения в смысле начальника и председателя. В духовенстве он стал обычен для архиереев. «Проедр» был одним из самых высоких титулов X в., даже превосходя титул «магистр». Поэтому, если отождествлять магистра и проедра Константина Алана, то получение им титула проедра могло быть определенно какими-то его особыми заслугами (Йорданов И. 2013. С. 526). В XI в. титул проедра становится менее исключительным, а после середины XII в. более не встречается как воинский. В XIII в. титул известен как исключительно церковный (Ballian A., Drandaki A. A. 2003. P. 65-66, fig. 22; Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 9–10; Йорданов И. 2013. С. 523–525).

Печать упомянутого безымянного проедра Алана имеет на аверсе изображение воина и некоего святого. Скорее, изображен Святой Николай, судя по сохранившейся части надписи — «Νικο(λαος)». На реверсе — пятистрочная надпись: «†Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) […]βανη προεδρω τω Αλανω†» — «†Господи, помоги проедру… вани Алану†» (Йорданов И. 2013. С. 530). Таким образом, данный проедр не может быть сопоставлен с проедром Константином Аланом. Данную печать могли бы подразумевать и другие исследователи (Малахов С. Н. 2017. С. 112). Но они либо ошибочно полагают в ней и наличие титула дукса, либо смешивают с информацией об одной из печатей Григория Алана (Seibt W. 2004. S. 55–56).

Образ святого Николая был особенно популярен в западной части Алании, о чем свидетельствует известная Зеленчукская эпитафия и иные материалы из данного региона, а также особое почитание Никкола осетинами-дигорцами, чей аланский этап этногенеза, в первую очередь, связан именно с западной частью Алании (Туаллагов А. А. 2015. С. 131–140; Малахов С. Н. 2017а. С. 13–20). Присутствует позднее данное имя и в аланском ономастиконе (Алемань А. 2003. С. 554). Со стороны В. Зайбта были предложены варианты для несохранившегося имени: Ασ]βανη, Σα]βανη, Αρ]βανη, Ιω]βανη или другие сходные грузинские имена (Йорданов И. 2013. С. 530). Как и в случае с моливдовулами Григория Алана и Сергия Алана вновь следует полагать отсутствие обязательной прямой зависимости имени человека от изображения христианского персонажа. Следует отклонить и сопоставление с проедром Константином Аланом.

Заметим, что на ленте, обнаруженной в аланском могильнике Мощевая Балка, как полагают исследователи, зафиксировано имя протоспафария в форме Ιβανη, которое предлагалось считать тюркским, отмечая его у византийцев болгарского происхождения или знатных болгар. Полагали, что хозяин ленты был посланцем империи, но подвергся ограблению (Иерусалимская А. А. 2012. С. 135–136). Однако данная этническая интерпретация справедливо не была принята специалистами. Было также предложено

считать протоспафария Ивана славянином из Малой Азии, посланцем империи (Малахов С. Н. 2004. С. 120–122; Афанасьев Г. Е. 2011. С. 118; Афанасьев Г. Ф., Красильников К. И. 2012. С. 209).

Полагается, что мы можем иметь дело с формами имени Иваний или Ваний — Ιβανης, Βανης. Находка рассматривается в кругу материалов VIII–X вв. Если для первого имени не исключают славянское происхождение, то для второго более логичным считают грузинское имя Иванэ. Но против таких решений стоит устойчивая византийская традиция передавать христианские кавказские имена их византийскими эквивалентами. Поэтому предлагается имя Βανης, которое встречается в IX в. в такой стяженной форме, происходя от Βαανης/Βαανιος, из армян. Vahan. Отсутствие сведений о присвоении аланам византийского придворного титула подвигло к принятию решения, что лента принадлежала некоему кавказскому правителю, носившему армянское имя, и попала к аланам в качестве военного трофея (Виноградов А. Ю. 2013. С. 21–24; 2014. С. 134–138; Чхаидзе В. Н. 2015. С. 87–88).

Предложенному решению противоречат известные примеры присвоения знатным аланам, хоть и позднее, византийских придворных титулов, включая протоспафария Сергия Алана, а также написание армянского имени через два «а». Наконец, обращалось внимание на присутствие такого имени Ηβαν на моливдовуле из Перника 1040–1070 гг. Имя рассматривается как болгарское крестильное имя византийского функционера, переданное в греческой транскрипции. Для имени на ленте из Мощевой Балки не отрицается и вероятность его грузинского или армянского происхождения, а его хозяин полагается некрещеным (Сорочан С. В. 2015. С. 99–101; Сорочан С. Б., Флёрова В. С. 2015. С. 110–113).

Конечно, невозможно строго определить этническую принадлежность хозяина ленты (Сорочан С. Б., Флёров В. С. 2015. С. 116; Флёров В. С. 2015. С. 325–326). Само имя в греческой форме представлено в сведениях об аланском магистре Иоанне, об аланском правителе Иоанне Хотеситане, о митрополите и архиепископе Алании-Ставропуля (Сотириопль) Иоанне Монастериоте, об образе Иоанна Предтечи на печати Сергия Алана. Собственно аланская форма имени Иоанна Предтечи представлена позднее в известных аланских маргиналиях (Lubotsky A. 2015. P. 36–37, 46, 50) и вполне может быть привлечена для реконструкции нашего имени.

На основе анализа аланских маргиналий было предположено, что они дают возможность полагать наметившиеся изменения, которые можно рассматривать с позиций диалектального разделения. Сам глоссатор был носителем диалекта, к которому вели изменения или большинство из них в пост-аланский период — иронский диалект осетинского языка. Полагают,

что диалектальное разделение должно было начаться уже в XIV в. (Lubotsky A. 2015. P. 13–14, 49–50). С данных позиций и рассматривается пометка φητιβανη πανη, в которой представлено имя Иоанна Крестителя — «Отец Иоанн» (φητιβανη), т. к. конечная η соответствует иронской форме Фыд-Иуани, а не дигорской форме Фид-Иуане (Lubotsky A. 2015. P. 36–37).

Теперь, помня о приведенных наблюдениях, их следует учитывать при работе с данной маргиналией. Отметим и давно подмеченную параллель к осетинскому Фид-Иуане в лице абхазского Дад-Иуана (Абаев В. И. 1949. С. 316), а также форму имени Иоане из осетинской (иронской) легенды, в которой отразились известные по грузинским хроникам сообщения о Вахтанге Горгосале (Пчелина Е. Г. 1947. С. 144). С другой стороны, нет ли возможности реконструировать оформление имени аланского проедра как упоминавшееся Ηβαν, например, за счет влияния местных традиций во время его службы на Балканах как и других знатных алан? Сложнее, но необходимо, осторожно допустить само крещение аланского чиновника на месте своей службы.

Указывается на замечание Кекавмена (Малахов С. Н. 2015. С. 158), что только царственные иноплеменники могли рассчитывать на присвоение больших титулов и высоких должностей. Если быть точнее, то в источнике (Кекавмен. 2003. С. 295–301) речь идет о рекомендации не возвышать иноплеменников не из царского рода присвоением больших титулов и не доверять им высоких должностей. Ранг Константина Алана вполне отвечал его принадлежности к высшим слоям аланской знати, часть из которой поступила на службу Византии.

Отождествление проедра Константина Алана с магистром Константином Аланом, как и с Константином Аланом, упоминавшемся на моливдовуле и печати (Ballian A., Drandaki A. A. 2003. P. 65; Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 10-11; Йорданов И. 2013. С. 525–526; 2015. С. 262), не исключено, могло бы указывать на движение по имперской византийской службе аланского аристократа. Рассматривать находку в свете военного наемничества алан (Δρανδακη Α. 2004. Σ. 35) в данном случае вряд ли безоговорочно корректно. Важным является замечание, что форма τω Αλανω позволяет отделить Константина от церковного персонажа, для которого бы имелось епархиальное указание Αλανιας. Константин был этническим аланом, чье этническое имя превращено в патроним. Речь идет не о потомке алан в Византии, когда бы ожидалось Αλανοπουλος, а об алане, перешедшем на службу в Византии (Йорданов И. 2013. С. 525). Наблюдения имеют и свои прямые подтверждения на печатях монахов Игнатия и Евстратия, митрополитов Алании (Seibt W. 2004. S. 51–52, 53, abb. 1, 2).

Вместе с тем, нельзя согласиться с отождествлением алан с грузинами (Ballian A., Drandaki A. A. 2003. P. 65, 76, n. 112; Δρανδακη Α. 2004.

Σ. 35), даже с учетом данных редких византийских источников, не определяющих, вопреки действительности, четких различий между аланами, иберами и абасгами. Для приводимых надписей этническая идентификация их владельцев была ясной. Следует уточниться с «компромиссным вариантом», что такое сближение отражает не обыденное для византийской литературы сближение или навязчивую ошибку византийских источников, а существование определенного конфессионально-политического единства Алании и Грузии (Малахов С. Н. 2015. С. 80; Гутнов Ф. Х. 2011. С. 146).

Непосредственное географическое соседство Алании, Абхазии и Иберии, их тесные политические связи, наиболее наглядным выражением которых для окружающих могли служить, например, те же междинастические браки, общая православная религия (официальный раскол между константинопольской и римской церквами произошел в 1054 г., что должно было усиливать значимость религиозной близости) вполне могли порождать несколько абстрактные представления об их неком единстве. С таких позиций можно принять положение, что конфессионально-политическое единство всего этого конгломерата народов могло осмысливаться тем же Иоанном Цецем на уровне генеалогического родства (Цулая Г. В. 2007. С. 296–297), хотя более точной представляется определение, что такое родство воспринималось не в плане генеалогическом, а исключительно в конфессионально-политическом (Цулая Г. В. 2008. С. 134).

Частный пример с именем Георгий может указывать на вероятное существование и иных сближающих государства явлений, которые сейчас остаются не столь уловимыми. Собственно, тесные связи Алании и Иберии могли сказаться в появлении около X в. в Иберии имени Ἀλάνιος (Виноградов В. Б., Белецкий Д. В. 2011. С. 51). Именно такое осмысление диктовало обыденную византийскую литературную традицию и ее навязчивую ошибку, которые определялись, в том числе, эрудитами типа Иоанна Цеца (Ioan. Tzetz. Chil. V, 17, 586–588), чье всезнайство вызывает справедливое недоверие (Каждан А. П. 1973. С. 54, 140–141). Оно же давно сказывалось и на научных работах (Скабаланович Н. 1884. С. 56, 129; Васильевский В. Г. 1893. С. 183), некритически воспринимаясь иногда и сегодня (Mikaberidze A. 2000. S. 184, amn. 4; Микаберидзе А. 2005. С. 151, сн. 4). Возможно, оно же диктует предположительную подборку именно грузинских имен для одной выше упомянутой печати.

Некоторые исторические обстоятельства также могли способствовать указанному сближению. Вахушти Багратиони отмечал, что в конце VIII в. абхазский царь Леон I передал эриставу Анакопию с аланами или, по другому переводу, с Аланией (Сообщения… 1986. С. 52; Амичба Г. А. 1988. С. 44; Гаглойти Ю. С. 2007. С. 164; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.

2011. С. 38, сн. 109). Известно о правители овсов и эриставе абхазов Бакатаре, погибшем около 888 г. в бою между войсками картлийского правителя Адарнасе и шурина абхазского правителя Баграта I (Алемань А. 2003. С. 416; Гаглойти Ю. С. 2007. С. 38, 159-160; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 25, сн. 53). Во «Всеобщей истории» Вардана Великого во время правления царя Армении Абаса (928–951 гг.) упоминался правитель северокавказских сарматов, т. е. алан, Бер. Степанос Таронеци называл его и правителем абхазов и повествовал о его поражении от армян. Ал-Масуди отмечал, что, хотя абхазы имели своего царя, аланский царь главенствовал над ними (Габриелян Р. А. 1985. С. 19–20, 35, прим. 15; Алемань А. 2003. С. 386–387; Гаглойти Ю. С. 2007. С. 164–165; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 37–38). Согласно «Истории восхваления венценосцев», картлийский правитель Георгий III, женатый на дочери овсского правителя Худдана, временами охотился в стране алан, которая Абхазия (Сообщения… 1986. С. 37; Гаглойти Ю. С. 2007. С. 43, 164–165; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 38, сн. 109).

Конечно, не все из приведенных сведений получили однозначное восприятие у исследователей. Кроме того, наблюдаемое сближение народов использовалось некоторыми сторонами в собственных спекулятивных политических целях. Так, известно о поздней интерполяции в «Историю царя Вахтанга Горгасала» о том, что якобы на VI Вселенском соборе в 680 г. Осетия упоминалась как одна из земель в ведении картлийского католикоса (Алемань А. 2003. С. 415–416), что не соответствует исторической действительности.

Подобная тенденциозность и спекуляция содержится в сведениях официального биографа Давида (III) IV Возобновителя, когда он, описывая поездку правителя в Овсетию (Аланию) в 1118 г. с целью разрешения прохода через нее кипчаков, рисует картину предстающих перед ним царей овсов и мтаваров, т. е. архонтов, как рабов (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 41–42). Данная спекуляция получила поддержку и у некоторых современных исследователей, ставших рисовать картины вассальной зависимости Алании от Картли, и упадка централизованной власти в Алании. К сожалению, такой подход был свойственен и некоторым профессиональным исследователям (Виноградов В. Б. 2010–2013. С. 205), диктуясь личной неприязнью к своим коллегам.

Картина не имеет ничего общего с исторической действительностью, включая эпизод с овладеванием Дарьяльской крепостью (Туаллагов А. А. 2018а. С. 279; Карсанов А. Н. 1995. С. 397), но могла диктоваться, в том числе, и через надуманную титулатуру, необоснованными амбициями картлийских правителей и патриархов (Джиоев М. К. 1990. С. 36–42;

Кузнецов В. А. 1992. С. 188; Карсанов А. Н. 1995. С. 394–399; Гаглойти Ю. С. 2007. С. 162–163, прим. 59). В Житии Давида Возобновителя ему приписывается подчинение овсов, которые, по его требованию, крестились числом в 50 000 и, по его желанию, в большинстве переселились на равнины Картли (Полное Жизнеописание… 1873. С. 111). Вновь «сведения» как в исторической, так и в религиозной части не имеют ничего общего с реальностью.

Отметим, что в известных надписях Давид IV Возобновитель называется «царем Абхазов, Картвелов, Кахов и Леков», «царем Абхазов, Ранов, Картвелов, Кахов и Армян» (Опись памятников… 1890. С. 37, 92). Данное замечание следует отнести и к сообщению грузинского трактата XIV в. «Распорядок царского двора», в котором, со ссылкой на Арсения Икалтойского (~1050–1127 гг.), обращавшего свои труды исключительно к Давиду IV Возобновителю, упоминаются два царя овсов (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 58–59). Заметим вслед за другими исследователями, что в «Хронике ксанских эриставов» конца XV в. упоминается о жестокой борьбе между овсскими царями, под которыми, как сразу выясняется, скрывались двоюродные братья (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 59). Таким образом, «цари» грузинских источников могли представлять собой не только верховных правителей, но и нецарствующих представителей правящего рода.

В персидском «Тарасоле» конца XIII в. грузинский правитель называется «царем царей абхазов, шаков, алан», «защитником царства абхазов и алан» (Аджинджал Е. К. 2013. С. 53–54). Если уточниться, то в «Тарасоле» приведено обращение, видимо, к Георгию Лаша (1210–1222 гг.) как к «царю царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». Объяснение появления в титуле «Руса» как указания на оторванных от родины русских, поселившихся на Северном Кавказе в непосредственной близости от царства грузинских Багратидов (Цулая Г. В. 2008. С. 134, 146, прим. 63; Гутнов Ф. Х. 2009. С. 137; 2017. С. 35–36), или на Таматарху, якобы подчиненную Абхазии (Чачхалиа Д. 2016. С. 142, 144–143) или Грузии (Surguladze M. 2015. С. 110–112), могло бы только подчеркнуть отсутствие действительных исторических оснований для приведенного обращения. Собственно, и иные формы обращений к «царю царей абхаза, марзпану румов и русов», «царю царей гурджей, абхазов, шаков и хазар» (Surguladze M. 2015. С. 110) не только исключает алан из списка, но и подчеркивает еще и надуманность сведений о румах (византийцы) и хазарах.

Впрочем, нельзя исключать, что отдельным, частным поводом для включения в титулатуру алан, кроме отмеченных связей Алании и Абхазии, могла послужить и история, например, ксанских эриставов овсского, т. е. аланского, царского происхождения, которые со своим окружением

переселились в Закавказье и затем влились в социальную элиту Картли (Памятник Эриставов. 1979. С. 21–24). Продолжением данной истории могли бы служить обозначения правителя Имеретии Вахтанга Горгасала в грамоте 1432 г. и правителя Картли и Имеретии Баграта VI в грамоте 1478 г., в том числе и правителями алан (Грузинские документы… 1982. С. 143, 145, сн. 6; Грузинские дворянские грамоты. 1881. С. 37), что необычно для самой грузинской традиции, называвшей алан овсами/осами. Но к тому времени могло сказаться переселение в Закавказье и другого аланского населения с севера. Остается вспомнить о готах и аланах, которые, согласно письму от 22 апреля 1459 г. Давида Великого Комнина, правителя Трапезунта, к Филипу, правителю Бургундии, обязались вступить в антитурецкую коалицию под знаменем картлийского правителя Георгия VIII (Miller W. 1926. P. 98). Совместное выступление более свидетельствует в пользу крымских готов и алан, которые неоднократно фиксировались в источниках как соседние и смешивающиеся в Крыму народы. Но повод появляется.

Что касается определения «Алан» для упоминавшихся личностей, включая и Константина Алана, то его рассматривали как «родовое имя», предположительно «фамильное» (Seibt W. 2004. S. 55; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 51; Йорданов И. 2015. С. 262; Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018). Однако, принять такое значение в том плане, что, например, Константин Алан был из «рода Алан» (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 10-11), представляется сложным. В данном случае более справедливо мнение, что «родовое имя» Алан, например, катепана Никифора было, несомненно, связано с топонимом Алания (Алексеенко Н. А. 2017. С. 168), т. е. происхождение патронима восходит к географическому названию.

О том, что происхождение фамилий могло отражаться в патронимах, как в данном случае (Малахов С. Н. 2017. С. 112), что в основе некоторых фамилий лежали географические названия, действительно, свидетельствуют надписи на различных печатях того времени (Степаненко В. П., Степанова Е. В. 2008. С. 269). Практика использования патронимов или прозвищ в Византийской империи хорошо известна. Она была сопряжена с социальной сферой. Примерно, с середины XI в. считалось, что лишь у «варваров» и представителей общественных низов в империи патронимы не практиковались повсеместно. Наличие патронима указывало на знатность и родовитость его обладателя, а его отсутствие, соответственно, наоборот.

Поэтому само определение «Алан» на перечисленных печатях свидетельствует о следовании их обладателей в условиях непосредственной службы в империи византийской традиции для определения знатности

своего происхождения в глазах окружающих. Печати же аланских правителей не имеют таких определений. С одной стороны, это подтверждает отмеченное положение, а, с другой стороны, может указывать и на негеографический источник определения «Алан», хотя именно географические (локативные) прозвища по месту рождения или проживания были более присущи византийской традиции, менее обращавшей внимание на языковой (этнический) признак. Как представляется, следует согласиться с высказанным замечанием, что определение «Алан» не обязательно является родовым именем, а указывает не просто на происхождение (Jordanov I. 2006. P. 46, № 21–22), а на этническое происхождение (Ballian A., Drandaki A. A. 2003. P. 65, 76, n. 112), т. е. является этническим определением (этникос). В таком случае, для использовавших его аланских аристократов в силе могло оставаться и вероятное, на наш взгляд, изначально социальное значение определения в самой аланской среде.

Возможно, мы имеем дело с прозвищем, в основе которого лежит такое этническое определение. Данное прозвище могло функционировать только в иноэтничном окружение, тогда как аланские аристократы, несомненно, представляли свои знатные роды. Интересно с таких позиций отметить находку надписи на сердоликовой вставке железного перстня из погребения № 18 Жинвальского могильника конца II-первой половины III вв. — «Βακουρ Αλανα(ς/γ» (Виноградов А. Ю. 2013. С. 55–56). В ней мог бы быть представлен очень ранний пример этнического определения человека, который связан с аланами (заметим, что имя Βακουρ — «Бога сын», как и аланское имя Ардавурий (Миллер В. Ф. 1992. С. 594; Алемань А. 2003. С. 164), могли бы послужить некоторой «божественной» параллелью к имени Худ(а)дана).

В таком случае он свидетельствовал бы о давней практике самоопределения алан (иная трактовка (Хуршудян Э. Ш. 2013. С. 191, сн. 4), еще и в условиях неясности со второй частью надписи, не вызывает доверия), возможно, в окружающей иноэтничной среде, естественно, никак не связанной с гораздо более поздней византийской практикой. В данном случае не следует прямо сопоставлять приведенные этнические определения с личным именем Алан, также появляющемся в раннем средневековье за пределами Алании (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 50–51; Shukurov R. 2016. P. 94, 166; Шукуров Р. М. 2017. С. 143, 234). Однако вопрос с действительным содержанием надписи (Виноградов А. Ю. 2013. С. 55–56), видимо, остается открытым.

Исследователи полагают, что Константин Алан, Никифор Алан, Григорий Алан, Сергий Алан были представителями одного аланского рода (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 12; Чхаидзе В. Н. 2016. С. 14;

2016а. С. 327, 329). Отрицать такую возможность нельзя, учитывая хронологическую близость деятельности и высокие имперские посты этих знатных алан (в их ряды следует добавить Георгия Алана, Леонтия Алана, Никиту Алана, (…)ване Алана). Но для окончательного принятия решения все же нет должных оснований. Конечно, можно сомневаться, что все они были сыновьями одного аланского правителя (Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018), хотя вновь без окончательных оснований. Они могли быть как представителями одного рода, находящимися в близкородственных отношениях или представляя различные ветви рода, так и принадлежать к различным знатным аланским родам, находящимся или нет в родстве с царствующим родом. Сложно себе представить такой массовый и фактически единовременный уход представителей царского рода, а тем более родных сыновей правителя, далеко за пределы Алании, что ослабляло его позиции на родине и угрожало престолонаследию даже любой случайностью.

Видимо, следует также уточниться с определением указанных лиц как представителей провинциальной знати, провинциальных семейств (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 10, 11; Чхаидзе В. Н. 2016. С. 14). Если под таким определением понимать их связь с провинциями Византийской империи, что может, например, следовать из их должностных положений в провинциях, то оно нисколько не противоречит и столичным связям служившим в Византии алан, некоторые из которых находились при дворе и в близких отношениях с царственными особами. Аланы составляли заметную часть населения самого Константинополя (Fulcheri Carnotensis. 1913. P. 177, n. 1). Если исходить из определения их аланского происхождения, то Алания никогда не была византийской провинцией и никогда не выступала в качестве вассала Византии, как иногда полагали исследователи (Плетнева С. А. 1992. С. 472). Отношение императоров Византийской империи к Алании как к независимому и самостоятельному политическому образованию, связанному с империей единством религии, давно и справедливо, хотя и не всегда последовательно (Бибиков М. В. 2009. С. 244), отмечалось исследователями (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 134–135; Латышев В. В. 1911. С. 180; Бибиков М. В. 1981. С. 141–144; 1999. С. 288–293; Гадло А. В. 1994. С. 19; Малахов С. Н. 2015. С. 159; 2019. С. 296–297).

В 2015 г. при раскопках предвратной башни Анакопийской крепости — столицы раннесредневековой Абхазии была обнаружена медная вислая печать. На аверсе печати нанесено изображение святого Георгия в образе юного воина. Воин изображен в рост с копьем и треугольным щитом. На воине латные доспехи, плащ и портупейный ремень с мечом, убранным за спину. По сторонам фигуры две вертикальные надписи: «O αγι(ο)ς Γεοργιο(ς)» — «Святой Георгий». На реверсе — надпись, которая

Илл. 16. Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании (по: Аргун А. В. 2016)

с использованием соответствующих знаков сокращений была изначально прочтена исследователями следующим образом: «†K(υρι)ε β(οη)θει τω σω δου(λω) Κων(σ)ταν(τι)νω του (πρωτω)προεδρω και εξουσ(ηω)κρατορ(ι) πασης Αλανι(ας)†» — «†Господи, помоги своему рабу Константину, протопроедру и эксусиакратору всей Алании†» (Аргун А. В. 2016. С. 5–8, 9, рис. 2, 1; 2017. С. 7; Малахов С. Н. 2017. С. 105) (илл. 16). Саму печать предлагалось датировать серединой XI в. (Аргун А. Н. 2016. С. 5; 2017. С. 7) или 1068–1078 гг. (Малахов С. Н. 2017. С. 104–106, 112).

Отмечалось, что высокое качество печати свидетельствует о ее изготовлении в Константинополе, а ошибка в имени Константина объясняется возможным написанием имени со слов при нечетком произнесении (Малахов С. Н. 2017. С. 104, 107). Но при изготовлении печати в Константинополе странным представляется ошибка резчика в имени Константин. Имя в Константинополе было очень хорошо известно, обладая и высоким социальным престижем. Поэтому даже при плохом произношении константинопольский резчик должен был четко представлять себе его форму.

Были приведены и возражения против отождествления магистра Константина Алана 1045 г. с полагаемым по надписи эксусиократором Константином Аланом 1068 г. на основе большого хронологического разрыва между ними (Малахов С. Н. 2017. С. 112). Однако они не кажутся бесспорными. Константин мог, например, стать магистром как представитель царской династии как совершеннолетний для своего времени в 14–16 лет, участвуя в событиях 1045 г. Тогда в 1060–1070-х гг. ему могло исполниться около 40–50 лет, что не делает его возраст невозможным или крайне критическим.

Согласно другому подходу, как и в случае с находкой из Болгарии, Константин Алан надписи печати из Абхазии сопоставляется с магистром

Константином Аланом сообщения Иоанна Скилицы. Полагается, что следующим после «магистра» высоким титулом Константина Алана был «протопроедр», указывающий на заслуги его носителя перед Византийской империей (Аргун А. В. 2016. С. 5–7). Уточниться, в случае принятия соответствующей линии отождествлений, с послужным списком аланского аристократа могла бы болгарская находка. Представление на печати именно святого Георгия показательно в плане наблюдений, приведенных в отношении печати Георгия Алана.

Мы могли бы полагать, что Константин Алан изначально не был аланским правителем, если принимаем свидетельства надписей и письменных источников, в которых он обозначен без ранга или представлен как магистр, проедр. С одной стороны, эти титулы свидетельствуют о его высокородном происхождении и о нахождении на византийской службе. С другой стороны, они указывает на отсутствие безусловной связи византийских титулов с определением действующих иноземных правителей. Присвоение Константину Алану титула «магистр» может подтвердить известный факт, что титул давался не только правителям, но и нецарствующим представителям династий.

Отметим, что некий магистр алан, возможно, Иоанн, являвшийся родственником Марии Аланской по материнской линии, был среди приближенных императора Никифора III Вотониата (1078–1081 гг.) (Скабаланович Н. 1884. С. 129; Алемань А. 2003. С. 280; Малахов С. Н. 2015. С. 142–143). Полагали даже, что он был последним магистром, известным византийским авторам (Анна Комнина. 1963. С. 465, прим. 199). Не являлся аланским правителем и упоминавшийся протопроедр и дука Григорий Алан.

Абхазская находка также не свидетельствует о том, что Константин был из «рода Алан», как определялось, например, для сведений о Никифоре Алане (Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. 2012. С. 10–11; Алексеенко Н. А. 2017. С. 168). Единственно известный из источников род аланских правителей обозначен как Ахасарпакианни (Ахсарфаканиани), что соответствует роду Æхсæртæггатæ (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 185; 2017. С. 80) осетинского эпоса, как правившему среди эпических предков осетин — нартов. Интересно предположение, что лежащая в основе названий указанных родов аланская лексема со значением «царь» представлена в обозначении некоторых северокавказских владений раннего средневековья (Гадло А. В. 1994. С. 13). Аланского происхождения имя Ахсартан фиксируется и у правителей Ширвана и Кахетии (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 166–168, прим. 65; Виноградов А. Ю. 2014а. С. 139). Поэтому нельзя исключать, что в Алании существовало и собственное определение верховных властителей.

Особый интерес в свете предложенного чтения надписи на анакопийской находке привлек сам царственный титул Константина: «εξουσηωκρατορ πασης Αλανιας» — «эксусиократор всей Алании». Уже давно было обращено внимание на сообщение письменных источников (Бенешевич В. Н. 1915–1916. С. 60; Stiernon L. 1963. P. 180; Каждан А. И. 1967. С. 174, сн. 3) о правителе «всей Алании» (Бибиков М. В. 1981. С. 144; 1999. С. 292) — «Ειρήνης… της θυγατρος του πανευγενεστάτου έξουσιουκράτορος (έξουσιοκράτορος) πάσης Άλανίας», в чем усматривали отражение официального титула аланского правителя πανευγενεστάτος έξουσιουκράτορ πάσης Άλανίας·– «всеблагороднейший эксусиократор всей Алании» (Малахов С. Н. 2015. С. 83). Абхазская находка позволила исследователям подтвердить решение именно об официальном титуле аланских правителей и определиться с его четкой формой — «έξουσιουκράτορ πάσης Άλανίας»·– «эксусиократор всей Алании».

Согласно письменным источникам, картлийский царь Баграт IV (1027–1072 гг.) был женат на Борене (Цулая Г. В. 2008. С. 133), сестре овсского царя Дорголела, для которых некоторые исследователи лишь предполагают родственную связь с Урдуре (Алемань А. 2003. С. 417). Другие исследователи считают Борену и Дорголеля детьми именно Урдуре, отмечая ошибочность утверждения Вахушти Багратиони о том, что Борена была дочерью Дорголела (Тогошвили Г. Д. 2014а. С. 189). Рожденная в этом браке Мария, известная как Мария Аланская, была отправлена в Константинополь, где ее удочерила императрица Феодора (1054–1056 гг.). После смерти императрицы Мария Аланская вернулась домой, но в 1065 г. была вторично отправлено в Византию и вышла замуж за Михаила, сына императора Константина X Дуки (1059–1067 гг.), который впоследствии стал императором Михаилом VII Дукой (1071–1078 гг.). Мария сделала своим приемным сыном будущего императора Алексея Комнина. После низложения Михаила VII Дуки узурпатор Никифор III Вотаниат (1078–1081 гг.), чтобы узаконить свою власть, женился на Марии Аланской. После смерти Никифора III Вотаниата она приняла монашество (Марта/Марфа).

Известна находка ее золотого перстня из монастыря Папикиона (совр. Северная Македония) с перевернутой греческой надписью: «MAPHAC ΒΟΤΩΝΙΑΤΗΝΑ» (Mikaberidze A. 2000. S. 187, 189, abb. 4; Микаберидзе А. 2005. С. 142–143, илл. 4) (илл. 17), а также печать с надписью 1071–1081 гг.: «Μαρια ευσε[βαστατη αυγουστα] (Seibt W. 2011. S. 30, abb. 8). К царственному периоду Марии Аланской относится и ее печать из частной коллекции. На аверсе печати представлено погрудное изображение Богоматери Никопеи, держащей медальон с оглавным образом Христа Эммануила (сравни печать эксусиократора Гавриила — *А. Т.*). По сторонам надпись: «Μ(ατη)ρ

Илл. 17. Золотой перстень Марии Вотаниаты
(по: Микаберидзе А. 2005)

Илл. 18. Печать Марии, севасты
(по: https://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=115594)

Θ(εο)υ» — «Богоматерь». Также по кругу нанесена надпись: «[Θεοτοκε β] οηθει» — «Богоматерь, помоги». На реверсе погрудное изображение самой Марии Аланской анфас. По сторонам изображения надпись: «Μαρια [σ] εβαστη» — «Мария севаста» (илл. 18).

Обычно определение Марии, дочери грузинского царя, через ее происхождения «из аланов» рассматривается в контексте упоминавшегося «конфессионально-политического единства» Алании и Грузии. Но, если мы обратимся к фиксируемым источниками родственным связям Марии,

то они окажутся именно аланскими. Так, с целью установления брачных связей Михаил VII Дука, царственный супруг Марии, выдал ее двоюродную сестру (Малахов С. Н. 2015. С. 81–82; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 56) Ирину, дочь правителя Алании, за Исаака Комнина, брата будущего императора Алексея Комнина (Niceph. Bryen. 2, 1), который, как отмечалось, был усыновлен Марией.

Заметим, что указание (Mikaberidze A. 2000. S. 184; Микаберидзе А. 2005. С. 139) на якобы исследование с якобы критическим восприятием определения Марии как «Аланская» (С. М. В., А. С. 1991. Р. 1298) нельзя воспринимать серьезно, как и некоторые другие «рассуждения» (Дударов А.-М. М. 2016. С. 71). Не следует, как делают некоторые авторы (Летопись Картли. 2008. С. 178, прим. 258), драматизировать факт аланского родства Марии. Как отмечали исследователи, в окружении Марии Аланской в большинстве были аланы, тогда как иверов фактически не было (Малахов С. Н. 2015. С. 80). Особая важность связей именно с Аланией могла проявиться в том, что Михаил VII Дука, столкнувшись с мятежем норманнских наемников Руселя Бейльского (Руссель де Байё) около 1072–1073 г., посылает за набором наемного войска именно к правителю данной страны (Алемань А. 2003. С. 309–311).

Подчеркивание именно аланской линии родства Марии могло дополнительно диктоваться и тем, что ее отец Баграт IV был куропалатом, тогда как брат матери Дорголел носил эксклюзивный титул эксусиократора. Кроме того, хотя грузинские письменные источники будут приписывать именно Баграту IV особые инициативы в борьбе с исламскими царствами, но фактически активные действия на данном направлении в Закавказье вел именно Дорголел. Когда же в 1060-е гг. исламские правители вторгались в Картли, то Баграт IV прятался в горах, признавал себя вассалом и обязался платить дань, затем изменял своей клятве и вновь клялся. Баграт IV по приказу Византии занимался лишь расширением горных дорог, чтобы легче было выводить оттуда союзные войска. Именно горные дороги были важны для переброски аланских войск (Туаллагов А. А. 2018а. С. 278–279).

Связь самих братьев Комнинов с аланами была вполне явственной, если вспомнить сообщения о том, как в правление Никифора III Вотаниата, не без ведома Марии, братья были предупреждены о заговоре против них упоминавшимся выше магистром аланом, видимо, Иоанном (Anna Comm. 2, 4, 5). Следует в таком случае полагать, что и сама Мария поддерживала тесные связи именно с аланами при византийском дворе. Впоследствии, в период правления Михаила VII Дуки, именно вместе с аланами Алексей Комнин вел противостояние с упомянутыми норманнами Руселя Бейльского (Алемань А. 2003. С. 310). Аланские наемники из окружений Исаака и

Алексея Комниных (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 138–139) отличились и в бою, когда Алексей Комнин выкупил своего брата Исаака из плена (Niceph. Bryen. 2, 12–13).

Ко времени переворота Комнинов в 1081 г. Ирина была монахиней (Ксения) в Петрийском монастыре. Но после получения Исааком титула севастократа она становится севастократиссой. Их сын «пансеваст севаст и великий друнгарий» Адриан, в монашестве Иоанн, Комнин в 1142 г. или 1143 г. стал во главе автокефальной архиепископии Охридской, центр которой находился в бывшей столице Болгарии. В протоколе Константинопольского Поместного Собора 1143 г. он подписывается как «Архиепископ Первой Юстинианы и Болгарии». Охридская архиепископия обладала не только экономической независимостью, но и была независима от Константинопольского патриарха, ее глава назначался исключительно византийским императором. Таким образом, охридская архиепископия была непосредственной опорой императора в Болгарии. Некоторые исследователи усматривали в Адриане Комнине пример быстрой ассимиляции потомков смешанных алано-греческих браков уже в первом поколении (Малахов С. Н. 2015. С. 121). Пример не представляется удачным, поскольку Адриан Комнин был греком по рождению, выросшим в греческой среде и культуре.

Автономный стратиг Трапезунда Феодор Гавра в 1091 г. женился на двоюродной сестре Ирины по матери (Anna Comn. Alex. 8, 9, 2), которой напрасно некоторые современные авторы (Rapp S. H. Jr. 2012. P. 23) приписывают грузинское происхождение. Некоторые авторы (Кузнецов В. А. 1992. С. 114; Гутнов Ф. Х. 2009. С. 140) ошибочно приписывают брак Григорию Гавру (Малахов С. Н. 2015. С. 85). Ирина изначально предстает дочерью правителя Алании (τοῦ Ἀλανίας ἐξουσιάζοντος). Данное положение подтверждается, по мнению исследователей (Малахов С. Н. 2017. С. 107–109), печатью с надписью: «†Θ(εοτο)κε β(οη)θ(ει) τη ση δουλη Ηρηνη (πρωτο) προεδρισ(σ)α τη θυγατρι του εξουσιοκρατορ(ος) Αλλανιας†» — «†Богородица, помоги своей рабе Ирине, протопроедриссе и дочери эксусиократора Алании†» (Cheybet J.-C., Theodoridis D. 2010. P. 210, № 201; Шандровская В. С. 2015. С. 339, 340, ил. 2, 342) (илл. 19). Печать хранится в частной коллекции Д. Теодоридиса и датируется на основании сведений о получении Исааком титула протопроедра в 1074 г. (одна из печатей Исаака с данным титулом датируется 1074–1078 гг.).

Она была использована в совместном послании с куропалатом Михаилом Таронитом, супругом золовки Ирины, как второй оттиск. На лицевой стороне оттиска представлено изображение Богоматери в рост, держащей перед грудью медальон с младенцем — Богоматерь Епископсис («Знамение»), чей образ стал особо популярен в X-XII вв., а потом стал более

Илл. 19. Печать с оттисками Ирины, протопроедриссы и дочери эксусиократора Алании, и Михаила Таронита, куропалата (по: Шандровская В. С. 2015)

редким (Кондаков Н. П. 1915. С. 101–105). Интересно, что на аланских печатях не встречается образ Богоматери Одигитрии, который, судя по случайной находке печати второй половины VI–VIII вв., стал рано известен на Северном Кавказе. Его источник, судя по находкам особых типов крестов в Алании в XI–XII вв., будет лежать в более поздних образцах энколпионов, нательных или процесионных крестов.

Известна еще одна печать другой пары матриц меньшего диаметра с надписью, в которой отсутствие седьмой строки не позволяет точно установить наличие указания на Аланию: «†Θ(εοτο)κε [β(οη)θ(ει) τ]η ση δουλ[η Η]ρινη (πρωτο)πρ[οε]δρισ(σ)α τη θ[υγ]ατρι του εξ[ουσιο]κρατ[ορ(ος) Αλανι-ας]†» — «†Богородица, помоги своей рабе Ирине, протопроедриссе и дочери эксусиократора Алании†» (Theodoridis D. 1990. S. 62; Catalog… 2005. P. 151–152, 116.1) (илл. 20). С Ириной предположительно связывают (Малахов С. Н. 2017. С. 107) и печать с двусторонней надписью. На аверсе — четырехстрочная надпись: «†Θ(εοτο)κε βοηθει Ειρηνη» — «†Богородица, помоги Ирине». На реверсе — также четырехстрочная надпись: «...πρωτο-προεδρισση†» — «… протопроедриссе» (Лихачев Н. П. 1991. С. 89, таб. LXI, 14. М–8234).

Некоторые исследователи не исключают, что Ирина была адресатом сборника писем монаха Иакова. Возражению, что нет сведений о занятиях Ириной светской мудростью (Васильевский В. Г. 1893. С. 183), противопоставляется замечание о вероятном получении образования Ириной в период ее проживания в столице (Малахов С. М. 2015. С. 86–87). Заметим, что

Илл. 20. Печать Ирины, протопроедриссы и дочери эксусиократора (Алании) (по: http://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.1007)

представленные находки печатей говорят как об образованности Ирины, так и о ее активной эпистолярной деятельности. Интересно, что ее родная тетка Борена известна и своей краткой надписью, нанесенной на оборотной стороне иконы Божией Матери в золотом окладе из церкви Спаса в сванском с. Ленджери, включенную сегодня в хрестоматию древнегрузинской поэзии (Хаханов А. С. 1904. С. 38; Кузнецов В. А. 1992. С. 194–195; 2002. С. 124), что указывает на способность представительниц правящего рода Алании в совершентсве овладевать иностранными языками. Интересно, что оно начинается с упоминания Гавриила, имя которого носил ее брат Дорголел. Но конкретных сведений, что Ирина с детства жила в Константинополе, отличалась высокой образованностью, покровительствовала поэтам и ученым (Бзаров Р. С. 2014. С. 246), нет.

Обозначение Ирины протопроедриссой, несомненно, связано с ношением данного титула ее супругом, поскольку единственным, хоть и очень высоким титулом для женщин был «опоясанная патрикия/патрикия в поясе» (πατρικία ζωστή). Двоюродная сестра Ирины представлена как аланка благороднейшего происхождения. В другом источнике уточняется, что Ирина была из народа алан и являлась василиссой (βαείλισσα), имея, как полагалось у алан, древнее богатство (Niceph. Bas. In Ioan. epics. Bulg. 8).

Возможно, следует вспомнить об аланской заложнице при дворе Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.), которую он в 1050 г. сделал севастой, дал ей стражу царскую (василевса) и называл царицей (василисса). Она была дочерью правителя (θυγάτριον τοῦ εκεῖσε βασιλεύσντος) (Mich.

Psell. Hist. 6, 151). Бесспорно, она не может отождествляться с Ириной. Предполагают, что заложницей была старшая сестра Ирины (Кузнецов В. А. 1992. С. 114) или сестра Дорголела и Борены (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 55). Но заметим, что у Иоанна Зонары, хотя его сведения считаются восходящими к сведениям Михаила Пселла, заложница представлена как дочь одного из аланских правителей (Алемань А. 2003. С. 299, 300). Поэтому она могла быть и не родной дочерью верховного правителя Алании. Сама история могла бы служить приблизительным хроноиндекатором для определения последующей максимальной централизации верховной власти в Алании уже при Дорголеле. Отождествлять заложницу с самой Ириной (Гутнов Ф. Х. 2011. С. 140–143) нет никаких оснований.

Как справедливо заметили исследователи, византийскому василевсу соответствует аланская василисса, и речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с Византийской империей. В данном контексте и рассматривается упоминавшееся выше сообщение о правителе «всей Алании» (Бибиков М. В. 1981. С. 143–144), власть которого в своем государстве соответствует понятию о царской власти в самой Византийской империи (Бибиков М. В. 1999. С. 292).

Если сведения об аланской василиссе, подразумевающие управление Аланией ее отцов василевсом, происходят из панегирика Иоанну (Адриан) Комнину, архиепископу Охридскому (Болгарскому), то уточняющие сведения об отце Ирины как ἑξουσιουκράτορ πάσης Ἀλανίας представлены в родословной архиепископа Иоанна Комнина, составленной уже после смерти Исаака Комнина и Ирины (Бенешевич В. Н. 1915–1916. С. 60; Stiernon L. 1963. P. 180). Таким образом, перед нами предстает эксусиократор всей Алании, он же — василевс.

Некоторые исследователи изначально посчитали, что в употреблении оборота «властодержец всей Алании» следует видеть влияние официальной церковной титулатуры («митрополит всей Алании») на светскую (Малахов С. Н. 2015. С. 83). Но решение вызывает сомнение (Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018). Такие указания отмечены, например, на фрагментированной печати конца XI в. Михаила, архонта Матрахии, Зихии и всей Хазарии (πάση[ς Χα]ζρίας). Речь, как полагают, идет о тмутараканском князе Олеге Святославиче (1083–1094 г.) периода его вассального подчинения Византии (Степанова Е. В. 2005. С. 542–543). На другой печати он обозначен как архонт и дука Таматархи и всей Хазарии (Alforov O. 2013. P. 28–29).

Таким образом, князь выступает в роли византийского чиновника, осуществляющего правление на определенной территории. Причем, указание на «всю Хазарию» могло подразумевать, как полагают, не территорию, а этнос (Alf'orov O. 2015. P. 100–101). В таком определении усматривают

особые притязания на правящее и родовое верховенство (Гадло А. В. 1994. С. 102, 104). Считают, что подобные определения были связаны с какими-либо экстраординарными событиями на территориях, требовавших не только постановки в управление ими энергичных функционеров, но и с расширением их полномочий, причем, как в бóльшем территориальном охвате, так и в привлечении широких административных и военных ресурсов (Чхаидзе В. Н. 2016. С. 13–20; 2018. С. 169). Конечно, без дополнительных данных сложно окончательно точно установить значение определения. Оно явно подчеркивало высокий статус его обладателя и его реальную власть над всей Аланией, не исключая и борьбу с центробежными силами (Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018), но и не полагая таковую. Кроме того, отнесение определения πάσης Ἀλανίας к ситуации назначения энергичных функционеров при расширении их полномочий в связи с какими-то экстраординарными событиями на определенных территориях (Чхаидзе В. Н. 2018а. С. 723), не может быть принято, т. к. Византия не обладала никаким сюзеренитетом над Аланией, тем более, чтобы назначать в ней правителей.

С другой стороны, показательны печати русских князей. Обычно считают, что на печати киевского князя Всеволода Ярославовича (Андрей Георгиевич) 1078 г. он назван архонтом всей Росии (πάσης Ρωσίας). Известны и другие печати, на которых князья обозначены кириллицей как правители всей Руси («всєа Роуси»). Полагают, что данные формулировки, появляющиеся во второй половине XI в., указывали на право на всю Русь, разделенную в то время не только на княжеские владения, но и на митрополии (Алфьоров О. 2012. С. 45–46).

Определение «эксусиократор всей Алании» рассматривается как указание на полноту, неограниченность и суверенность власти верховного правителя государства, распространявшейся на все области (территории), входившие в состав государства Алании. Не исключая возможности наличия полусамостоятельных социально-политических образований, исследователи рассматривают Аланию как представляющую собой цельное государство, а не конгломерат отдельных княжеств (Малахов С. Н. 2015. С. 83–84; 2017. С. 110–111). Как отмечали и ранее, не следует отрицать «собирательного значения», когда при таком положении Алания представлялась крупным образованием, возможно, даже политическим объединением различных социальных единиц. В таких условиях верховная власть не противопоставляется родовой аристократии, а совмещается с ней, что отражено и в определении василиссы Ирины как αρχαιόπλουτος — «исстари богатая», т. е. царская власть связывается с родовитостью и с богатством династии (Бибиков М. В. 1981. С. 144).

Уже введение определения «эксусиократор» для правителей Алании исследователи рассматривали как отражение социальных процессов, происходивших внутри этого объединения, прежде всего, отрыва аристократии господствующего племени (общности) от основного массива своих соплеменников и превращения ее в единственную политическую надстройку, стоящую над федерацией в целом. Сами данные процессы также отражали уже далеко зашедший процесс дальнейшей консолидации племен и этнических групп, вошедших в состав Аланского объединения, так что уже не было оснований выделять внутренние территории этого образования (Гадло А. В. 1994. С. 19–20). Исследователи замечали, что эксусиократор Алании — это еще не самодержавный монарх, а государь, правивший в согласии с элитой общества (Гутнов Ф. Х. 2007. С. 277). Но такие правители всегда, в той или иной степени, в зависимости от разных факторов, правили в согласии с элитой или ее частью. Дальнейшая история Алании демонстрирует силу данной элиты, что позволяет полагать такое согласие и для времен правления эксусиократоров всей Алании.

Здесь надо отметить, что приведенные наблюдения справедливо опровергают некоторые утверждения о сугубо собирательном значении определения «аланы», которое, несомненно, этническое (Бибиков М. В. 1981. С. 144; 1999. С. 288). Правитель всей Алании был верховным правителем всех алан, включенных и в структуры управления родовой знатью. Возможное вхождение иных этнических групп в государственное образование также определялось их соподчиненностью аланскому суверенитету. Некоторые современные «замечания» (Дударов А.-М. М. 2016. С. 71) порождены «логикой» псевдонаучных интерпретаций.

Таким образом, Константин мог бы предстать суверенным правителем всей Алании, что свидетельствует об оформившейся жесткой централизации государственной власти. Но такое положение теперь должно фиксировать продолжение им уже сложившихся отношений, т. к. он, что более вероятно, не может быть эксусиократором всей Алании, отцом Ирины. Обычно на роль отца выдвигают аланского правителя Дорголела (Гавриил) (Малахов С. Н. 2015. С. 82), хотя в последнее время и было предложено считать отцом Ирины именно Константина. В таком случае предполагается, что Ирина была в окружении Марии Аланской, появившись в Константинополе в качестве «заложницы» при смене правителя Алании, когда ее отец Константин получил титул протопроедра (Малахов С. Н. 2017. С. 109). Сложно сказать, с данной ли «родословной» связано предположение о «могущественном аланском правителе» Константине (Виноградов А. Ю. 2015. С. 150).

Что касается истории Дорголела, то известно, что в 1062 г. он разгромил Арран, в 1064 г. захватил многие исламские земли. Осенью 1065 г.,

присоединив к себе картлийцев, он вновь разгромил Арран (Алемань А. 2003. С. 358–359). Последний раз Дорголел, как полагают, упоминается в событиях 1068 г. или 1072/1073 г. Но в данных событиях имя аланского правителя прямо не называется. Интересно, что при сокрушительном вторжении в Картли сельджукидского султа Алп-Арслана в 1067-1068 гг. и при его планировании вторжения в Аланию, сорвавшегося из-за непогоды (Малахов С. Н. 2015. С. 163–168), ни аланы, ни их царь не упоминаются. Возможно, к тому времени Дорголела уже не было в живых, что обусловило отсутствие реакции со стороны Алании. Обратим внимание, что на своей печати Гавриил не определяется как правитель всей Алании. Возможно, печать, если признавать ее принадлежность Дорголелу, относится к периоду до его окончательного утверждения как абсолютного правителя. Но печать могла принадлежать и его предшественнику.

Интересно, что исследователи некогда усмотрели в определении Дорголела как «великого царя» его официальный титул, сопоставимый с титулом «великого князя» на Руси как сюзерена всех князей, владевших уделами (Кузнецов В. А. 1988. С. 80). Впрочем, в «Картлис Цховреба» «великими» называются различные правители армян, картлийцев, кахетинцев, абхазов, персов и греков т. д. Следует также указать, что история Дорголела, а сегодня и Константина, опровергают заключение (Гутнов Ф. Х. 1991. С. 31; 2014. С. 90), что с середины XI в. в Алании начинается децентрализация. Такой процесс, как минимум, не мог начаться ранее последней трети или последней четверти XI в. Но и в этом случае следует заметить, что прежние основания для постулирования децентрализации Алании, например, после смерти Дорголела в 80-х гг. XI в., опиравшиеся на данные грузинских источников (Кузнецов В. А. 1984. С. 165; 1992. С. 239–240), в конце XI в. (Кузнецов В. А. 2014. С. 157), некорректны (Джиоев М. К. 1990. С. 41-42), не имея тому доказательств и в наше время.

Обращает на себя внимание, что на всех прежде известных печатях правители Алании не используют в своей титулатуре иных обозначений, кроме «севаст» и «эксусиократор» (в византийских источниках называются также эксусиастами, василевсами (василиссами) и архонтами). На печатях Ирины, полагаемой дочери аланского правителя Дорголела, ее отец также обозначен как эксусиократор Алании. Теперь титулы протопроедра и эксусиократора всей Алании появляются на печати Константина.

Что касается предположений по реконструкции биографии Константина в его отношениях с Аланией, Византией и т. д. (Аргун А. В. 2016. С. 6-8), то их трудно оценивать без дополнительной информации. Но находка в Анакопийской крепости его печати свидетельствует о проведении им лично активной международной политики. При следовании

предложенному содержанию надписи на печати Константина, при его отождествлении с магистром Константином Аланом, сложно, при предлагаемом прочтении надписи, судить о том, в каких родственных отношениях он находился с Дорголелем, когда они оба должны были оказаться примерно ровесниками или очень близкими по возрасту. В любом случае, Константин мог бы править до Росмика, которого считают братом Ирины (Малахов С. Н. 2015. С. 84), т. е. сыном Дорголела. Константин мог бы быть братом Дорголела или каким-либо иным родственником. Но он, несомненно, не мог предшествовать на престоле Дорголелу, как решили некоторые авторы (Хатуев Р. Т. 2007. С. 64). Не было и нет никаких оснований, как ранее полагали (Гутнов Ф. Х. 1993. С. 87), считать Дорголела преемником магистра Константина Алана.

Мы, строго говоря, не знаем правил престолонаследия в Алании (отец-сын, брат-брат, дядя-племянник?), в том числе, например, в условиях отсутствия у правителя сына-наследника (о каких-то особенностях в престолонаследии могло бы свидетельствовать сообщение «Хроники ксанских эриставов» о борьбе за престол внуков, детей двух сыновей аланского правителя). Очередность прямого наследования могла «сдвигаться», например, в случае смерти старших братьев. Кроме того, не всегда обозначения правителей Алании в источниках может точно соответствовать их положению. Как уже отмечалось, на печати Гавриил назван эксусиократором. Росмик отмечен на печати как севаст, а в источниках он также носит титул эксусиократора.

Вместе с тем, когда мы говорим о правлении эксусиократоров и эксусиократоров всей Алании, то, например, в связи с событиями 1072/1073 г. в источниках (Niceph. Bryenn. 2, 19) правитель Алании вдруг называется архонтом (Sophokles E. A. 1900. P. 259-260), тогда как он отождествляется исследователями все с тем же Дорголелом (Кузнецов В. А. 1985. С. 52; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 54-55)... Но не был ли им уже следующий правитель? Интересно, что впервые в отношениях с Византией аланский правитель отправляет войска как наемные. Они же вскоре перестают взаимодействовать с византийцами, не получив оплату.

Примечательно само место находки печати Константина, поскольку оно именно в XI в. оказывается тесно связано с историей не только собственно Абхазии, но и Алании. Согласно сведениям письменных источников, царь Георгий I (1014–1027 гг.) от первого брака с армянской (васпураканской) царевной Мириам имел сына Баграта IV (1027–1072 гг.). От второго брака с аланкой Алдой он имел сына Димитрия (Деметрэ). Имя Алды неоднократно сопоставлялось с именем одной из героинь Нартовского эпоса осетин — Ælдæ, Ælди, Елди, Йелди, Елон, которое пытались связать с германским или с тюркским миром (Алборов Б. А. 1958. Л. 26; Малахов С. Н.

2003. С. 81), а за пределами научной объективности — с нахским (Вагапов Я. С. 1990. С.65-66). Однако стоит указать, что данное имя отмечается для XI в. у армянской знати Аршакидского происхождения (Seibt W. 2016. P. 31, n. 36).

После смерти Георгия I Алда с сыном проживала в Анакопии, тогда как на престоле воцарился Баграт IV, сводный брат Димитрия. В 1029 г. Мириам добилась недолгого брака своего сына Баграта IV и Елены, дочери Василия, брата византийского императора Романа II Аргира (1028–1034 гг.). Вторым браком, вскоре после 1031 г., Баграт IV сочетался с Бореной, сестрой аланского правителя Дорголела.

В 1032 г. в Анакопии Алдой был составлен заговор с целью свержения Баграта IV. Заговор не удался, и несовершеннолетний Димитрий был вынужден отправиться в Византию, где передал в ее владение Анакопию (по другим данным, передала сама Алда) и получил титул магистра (Алемань А. 2003. С. 296). Анакопия была объединена в одну фему с Сотириуполем. В 1044–1045 гг. Димитрий при поддержке части местной знати и Византии вновь пытается противостоять Баграту IV в Картли, но осада крепости Атени оказывается неудачной, и кампания вынужденно прекращается.

В 1046 г. Димитрий, нанеся поражение Баграту IV, входит в Абхазию. От окончательного разгрома Баграта IV спасает только внезапная смерть Димитрия. В свою очередь, Баграту IV в 1046 г. не удается захватить Анакопию (Анчабадзе З. В. 1959. С. 178–181; Сообщения… 1986. С. 33; Амичба Г. А. 1988. С. 56–62; Seibt W., Jordanov I. 2006. S. 231–235; Seibt W. 2012. P. 174–176). В это время Алда находилась непосредственно в Анакопии, о чем свидетельствует строительная надпись с Анакопийской горы, датируемая мартом 1046 г. На надписи сохранились остатки врезного изображения креста (Латышев В. В. 1911. С. 193, рис. 6; Виноградов А. Ю. 2011. С. 216–218).

Некоторые исследователи полагают, что Алда вынуждена была уйти на родину вместе с Давидом, сыном Димитрия. Там Давид был усыновлен овсским (аланским) царем и женился на его дочери, став править в стране со своим потомством. Однако данная версия, как уже отмечалось, бесспорно, является искусственной генеалогией для Давида-Сослана, представленной в XVIII в. у Вахушти Багратиони. Повторим, что брак Тамары и Давида-Сослана по факту пресек историю династии Багратидов в Грузии, что вынуждало в дальнейшем правящие круги Грузии к таким вымыслам.

Полагают, что название фамилии Цæразонтæ восходит к лат. caesar, а его появление связывают с консолидацией Аланского государства в домонгольский период, когда его правители стали нуждаться в более престижном

титуле, возвышающем их и над местной аристократией (Абаев В. И. 1990. С. 408–422). Однако известные на сегодняшний день данные не дают ни одного примера использования аланскими правителями титула «кесарь», который мог быть только византийским καῖσαρ, просуществовавшим до конца XI в. как высшее достоинство после императорского, обычно носимое ближайшими родственниками императора и наследниками. Его даровали и иноземным правителям (Кекавмен. 2003. С. 575–576, прим. 920). Попытка использовать для этимологической интерпретации Цæразонтæ иное давнее «решение» (Кузнецов В. А. 2014. С. 102; 2016. С. 102), имеющее и некоторые другие параллели (Гуриев Т. А. 2010. С. 141), уже встретившие справедливую критику (Дзиццойты Ю. А. 2017. С. 302, сн. 294), неприемлема в силу ее прямого противоречия полагаемой осетинской конструкции. Иные «предположения» (Гумба Г. Д. 2016. С. 121, сн. 135) окончательно порывают с научной объективностью.

Поэтому можно предположить, что определение «сын (потомок) Цезаря» могло появиться позднее в эпоху упадка аланской государственности, когда потомки аланской династии уже не были тесно связаны с Византийской империей, но еще пытались определять свое главенствующее в аланском обществе положение. Также заметим, что подобное возведение осет. Алгъузон/Ægъузатæ к лат. augustus должно иметь себе посредника в византийском титуле, а затем в придворном звании, σεβαστός, которое носил тот же Росмик.

Предложенное возведение Ægъузатæ непосредственно «к севасту-августу Росмику» (Мамиев М. Э. 2014а. С. 369–371) не представляется убедительным. Причем, оно игнорирует известные историко-этимологические решения (Уарзиати В. С. 2007. С. 296–300). В официальной титулатуре византийских императоров титулы севаста и августа представлены раздельно (Ostrogorsky G. A. 1936. S. 58, amn. 54). В византийской традиции представлены «августы» или «севасты-августы» (Скабаланович Н. 1884. С. 162; Малахов С. Н. 2015. С. 157), что, например, отмечается на упоминавшейся печати Марии Аланской. Данный титул получают императрицы, т. е. он был женским. Гипотетично и его отождествление с именем Анг-ху-се (Гуриев Т. А. 1991. С. 37). Но следует также помнить, что у нас нет никаких данных, что обе фамилии имели бы отношение к правящим династиям в Алании.

Несомненно, Алда была представительницей аланской аристократии, но данные о ее царском происхождении нечеткие. В упомянутой надписи она фигурирует без титула, что, как полагают, указывает на отсутствие такового у нее (Виноградов А. Ю. 2011. С. 218). Другие исследователи считали Алду простой наложницей (Латышев В. В. 1911. С. 183), что неверно,

т. к. она была супругой Георгия I. Если, действительно, европейские источники называли Алду просто аланкой (Georgius Cedrenos. 1839. P. 503), то в «Матиане Картлиса» она представлена как дочь овсского царя (Гаглойти Ю. С. 2000. С. 248, 255, сн. 42; 2007. С. 38). Возможно, она была дочерью предшественника Дорголела. Некоторые исследователи, опираясь только на известное время ее жизни, считают Алду дочерью Урдуре (Михайлов М. И. 2008. С. 83). Следует отметить, что история Давида-Сослана и Алды оказалась связана в исследованиях с выдвинутым положением о наличии в Алании двух царских династий. Однако сложно не согласиться с критикой данного положения (Гадло А. В. 1994. С. 160–166).

Союзник Дмитрия Липарит Багваш, в конечном итоге, добивается высылки на три года Баграта IV в Византию, вместе с матерью и сестрой Марией. В 1056 г. они возвращаются на родину, а в 1065 г., как мы знаем, Баграт IV выдает свою дочь Марию Аланскую, от брака с Бореной, сестры аланского царя Дорголела, за Михаила, сына императора Константина X Дуки. В 1068 г. Дорголел со своим 40 000 войском участвует в совместном с Багратом IV походе на Ганджу против сельджукского правителя Фадлона.

Анакопия будет отвоевана только при картлийском правителе Георгии II (1072–1089 гг.), сыне Баграта IV. Одни исследователи полагают, что это произошло в начале или в конце 1080-х гг. (Сообщения… 1986. С. 33; Амичба Г. А. 1988. С. 61–62), другие — вскоре после 1074 г., около 1075 г. (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011а. С. 84). Учитывая тесное переплетение в истории Анакопии интересов правящих кругов Абхазии, Картли, Византии и Алании, нет ничего удивительного в появлении непосредственно в Анакопийской крепости печати Константина.

Но появление в надписи на печати титула протопроедра более связано с интересами Византийской империи и с периодом нахождения крепости в ее фемном владении. Наступивший вскоре кризис в империи был связан с тяжелым поражением Византии при Манцикерте 19 августа 1071 г. от турков-сельджуков и с дальнейшим ослаблением империи под их ударами (Амичба Г. А. 1988. С. 61; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011а. С. 84). Как отмечалось, сам титул протопроедра появляется в конце 1050-х или в самом начале 1060-х гг., сохраняя очень высокий статус до начала 1080-х гг. Возникновение титула помещают и между 1060 и 1070 гг. С другой стороны, воцарение Константина могло бы произойти только после смерти аланского правителя Дорголела. В последний раз он упоминается в событиях 1068 г. или, как иногда полагают, еще и в событиях 1072/1073 г. Таким образом, появление печати Константина в Анакопии, скорее всего, следует помещать между 1068 г. или 1072/1073 г. и 1075 г. или началом 1080-х гг.

Вместе с тем, все возникающие вопросы по содержанию надписи на печати Константина из Анакопийской крепости снимаются в силу ее иного содержания. Была предложена важная поправка к чтению в отношении адресата благопожелательной надписи (Чхаидзе В. Н. 2017. С. 64; 2018. С. 169; 2018а. С. 723). Ознакомление с любезно предоставленной А. Ю. Виноградовым неопубликованной рукописью статьи, в которой произведен послуживший основой для поправки подробный анализ находки, позволяет согласиться с внесенными корректировками. Чтение надписи окончательно восстанавливается в следующей форме: «†K(υρι)ε β(οη)θει τω σω δου(λω) Κων(σταντινω) τω υ(ι)ω του (πρωτω)πρ(ο)εδρ(ου) (και) εξουσ(ηω) κρατορ(ου) πασης Αλανι(ας)†» — «†Господи, помоги своему рабу Константину, сыну протопроедра и эксусиакратора всей Алании†» (Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018).

Представленный подробный анализ надписи позволяет согласиться с данным прочтением и отказаться от прежде принимаемого (Малахов С. Н. 2017; 2019. С. 297) решения. Таким образом, вместо полагавшегося ошибочного написания имени Константина в необычной форме Κωντωυω (Аргун А. В. 2016. С. 4; Малахов С. Н. 2017. С. 106) аргументировано восстанавливается обычное сокращение имени Κων(σταντινω) и форма дательного падежа τω υ(ι)ω — «сыну» с пропущенной «йотой», чему имеются аналогии (в том числе, на упомянутой печати Иоанна Комнина — *А. Т.*). Печать по палеографическим и историческим наблюдениям датируется временем около 1065–1075 гг.

Новое прочтение надписи сопровождает утверждение, что Константин анакопийской печати и Константин Алан, магистр и проедр, были разными людьми. Отсутствие собственных византийских титулов у первого, как отмечают, свидетельствует о том, что он не состоял на византийской службе (Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2018). Однако заметим, что на частной печати из Болгарии проедр Константин Алан также представлен без своего титула, также как Григорий Алан, чья служебная карьера хорошо прослеживается. Конечно, мы имеем дело не с официальными, а с частными печатями. Но они позволяют полагать возможность представления важных чиновников без своих титулов.

На анакопийской печати, кроме ограниченности пространства для нанесения титула или титулов самого Константина, могла сказаться необходимость подчеркнуть титулатуру его отца как независимого правителя и/или уход к тому времени с византийской службы самого Константина. На печатях Иоанна Комнина и Ирины Аланы также представлены титулы их отцов, в то время как титул самого Иоанна отсутствует, а определение Ирины протопроедрисса фиксирует титул ее мужа. Поэтому к приведенному

решению следует пока отнестись осторожно. Представление Константина без звания вполне может свидетельствовать об уходе со службы в Византии. В таком положении Константин мог исполнять некое дипломатическое поручение частным по отношению к империи порядке, но с важным указанием на свое высокородное происхождение именно как представителя правящей в Алании династии, тесно связанной с империей.

Показательно и отсутствие прозвища Алан, что может свидетельствовать об ориентированности своего представления со стороны собственного государства, а не на византийское окружение. Вполне вероятно, что Константин был родным старшим братом Ирины, а оба они были детьми Дорголела. Наблюдение о том, что Константин не находился на византийской службе, также позволяет не связывать жестко факт его появления в Анакопии с фемным периодом ее истории.

Мы не можем строго утверждать, что Константин являлся прямым наследником и будущим правителем Алании. Возможно, он не был единственным сыном, а был одним из сыновей и наследником царской власти не первой очереди. Не всегда и наследники первой очереди становились правителями. Если же Константин стал затем правителем, то он мог бы стать отцом другого правителя — Росмика. Тот мог быть и его родным братом. Появление титула эксусиократора всей Алании, скорее всего, произошло при правлении Дорголела, отражая пока не до конца выявляемые нами обстоятельства и процессы в истории Аланского государства.

Кроме приведенных печатей аланской аристократии, связанной с Византией, особый интерес представляют печати, которые атрибутируются специалистами (Жуков И. 2012. С. 5–6; Эйдель Е. 2013. С. 115; Алфьоров О. 2013. С. 491–492) как печати, принадлежавшие Елене, дочери ясского князя. Согласно русским летописям, переяславский князь Ярополк (Иоанн) (1082–1139 гг.), второй сын киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125 гг.), привел из своего похода 1116 г. на Северский Донец против половцев, где он захватил три их города, дочь ясского князя, которая стала его женой и в крещении получила имя Елена — Олена Яска. Источники сообщают об особой красоте девушки. С ней были приведены и другие ясы. В Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи XV в. (сохранилась лицевая рукопись 1480–1490-х гг.) данное сообщение сопровождается миниатюрой, видимо, изображающей Ярополка и Елену при дворе Владимира Мономаха (Радзивиловская… 1902. Л. 56 об.). Она принадлежит одному из четырех иллюстрировавших летопись мастеров, работавшему в византийской традиции и копировавшему протограф. Но, конечно, вряд ли изображение может претендовать на историчность. В 1132 г. супруг Елены, после смерти его старшего брата Мстислава, воссел на киевский престол.

Елена, соответственна, стала Великой княгиней, как сегодня сказали бы, «первой леди» Киевской Руси. Утверждение о женитьбе Ярополка Владимировича на Олене Яске именно в Киеве (Карсанов А. Н. 1990. С. 11) ничем не подтверждается.

Ярополк стал Великим князям в достаточно пожилом для своей эпохи возрасте. Его правление характеризовалось усилением княжеских междоусобиц и децентрализацией Киевской Руси, когда Великому князю приходилось то воевать с другими князьями и половцами, то стараться мирно договориться с ними. Ярополк умер 18 февраля 1139 г. и был похоронен возле церкви св. Андрея. В летописях в последний раз Елена упоминается под 1145 г., когда она перезахоронила в киевской церкви св. Андрея своего супруга. (ПСРЛ. 1843. С. 7–8, 291; 1846. С. 128; 1856. С. 24; 1862. С. 150, 168; Приселков М. Д. 1950. С. 206-207, 216, сн. 2, 220; Алемань А. 2003. С. 492–493, 497). Ее характеристика как «благоверная княгиня» свидетельствует об уважительном отношении к ней со стороны киевлян и после смерти супруга. Сохранились некоторые данные о сыне Ярополка и Елены Василько. Но, в целом, летописи хранят молчание о потомстве супругов.

Фактически ясыня Елена, ставшая Великой княгиней, является единственно бесспорно известной аланской супругой русских князей. Ей порой ошибочно некоторые авторы приписывают родство с Марией, супругой Всеволода «Большое Гнездо», или со второй супругой Андрея Боголюбского. Если для супруги Андрея Боголюбского источники сообщают только о ее происхождении из тюркоязычных болгар, то вопрос об этническом происхождении Марии в науке остается крайне дискуссионным. Он вряд ли имеет перспективу к своему однозначному решению (Туаллагов А. А. 2017. С. 445–448; 2017а. С. 477–513), несмотря на прошлые (Карсанов А. Н. 1990. С. 14–20) и современные попытки его реализации (Кузьмин А. В. 2016. С. 604; Кусаева З. К. 2017. С. 89-107; 2018. С. 28-33; Машенцев Д. Г. 2018. С. 48–60; Перевалов С. М. 2018. С. 108–132). Заметим, что некоторые авторы ошибочно совмещали и сведения о Елене со сведениями о другом историческом лице (Туаллагов А. А. 2017. С. 484–489).

Исследователи отмечали в отношении ясов, из которых происходила Елена: «Видимо, эти асы — те самые ясы, о которых писал русский летописец под 1116 г., размещая их на берегах Северского Донца. Вероятно, они так и остались там — на «нейтральных» русско-половецких территориях, никогда, естественно, не принимая никакого участия во враждебных действиях против русских княжеств и потому ни разу после начала XII в. и не упомянутые летописью. Однако этнически и территориально это была вполне реальная общность…» (Плетнева С. А. 2010. С. 192).

Полагалось, что ясы населяли один из городов, находившихся под властью половцев (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 191). Другие исследователи посчитали, что объяснить появление ясов в половецких городах, как подчиненного половцам местного населения или как случайно попавших в плен или в заложники к половцам, невозможно. Но высказывалось предположение, что ясы жили здесь со времени процветания Танаиды (Танаис, Дон — *А. Т.*) (Миллер В. Ф. 1992. С. 564–565; Гаглойти Ю. С. 1966. С. 191). Если с первой частью наблюдений еще можно согласиться, например, полагая определенную зависимость проживавших в городах ясов от половцев (Плетнева С. А. 1975. С. 270), но не отнесение населения городов только к половцам или к тюркам (Костомаров Н. 1872. С. 186), то предположение о столь давнем времени расположения здесь ясов следует отвергнут. История Донской Алании и алан-танаитов I–IV вв. н. э. с ними никак не связана.

Несомненно, данные ясы могли здесь появиться в середине VIII в., когда в русле политики Хазарского каганата, в «лоскутную империю» которого они входили, были переселены на северо-западные рубежи каганата для несения охранно-таможенной службы и удержания в даннической зависимости местного населения. Аланы, став, своего рода, раннесредневековым казачеством, занимали обширные поселения, примыкающие к регулярно устроенным крепостям. Как отмечали исследователи, здесь аланы расселялись в местах, в природно-географическом плане напоминавших их северокавказскую родину.

Там они еще во II–IV вв. имели собственный опыт возведения поселений, крепостей и сигнально-сторожевых постов, в том числе, составлявших единые оборонительные районы, как произошло в Кисловодской котловине с рубежа IV–V вв. С другой стороны, аланы тесно взаимодействовали с персидской оборонительной системой, нанимаясь для ее охраны. Данный опыт неминуемо был востребован Хазарским каганатом в условиях смены на Кавказе персидского пограничья на арабское, когда одна часть алан перебрасывается к своим соплеменникам ближе к Дарьялу, а другая на север — ближе к славянскому пограничью.

Переселившиеся на север аланы вступали в разнообразные связи с окружающим тюркским, славянским и финно-угорским населением. Многочисленные памятники алан, составившие лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, хорошо известны современным археологам. Ими, в частности, прослеживаются межбрачные связи и совместное проживание на одних поселениях алан и славян, что открывало историю их ранних контактов. Но из поколения в поколение аланы хранили память о своей родине на Кавказе.

К середине X в. каганат ослаб. В 965 г. тюрки-огузы наносят тяжелый удар по Хазарии. Тогда же удар по каганату наносит киевский князь

Святослав. Хазарский каганат вскоре прекращает свое существование. Пользуясь общей ситуацией, потомки алан, возможно, не без содействия своих северокавказских сородичей, массово возвращаются на родину предков на Северном Кавказе, в том числе, на территорию современной Северной Осетии.

По мнению специалистов, вовлечение аланских племенных образований в жизнь Хазарского каганата, одного из крупнейших государств Восточной Европы VIII–X вв., катализировало социальные процессы в их обществе. Оно уже характеризовалось, в том числе, значительной концентрацией населения в крупных поселенческих центрах, напоминающих средневековые города. На период возвращения на родину аланское общество находилось уже на иной ступени своего развития (Коробов Д. М. 2014. С. 540), что способствовало быстрому складыванию раннесредневекового Аланского государства на Кавказе.

Но часть асов навсегда осталась на далеком от родины севере. Из их числа и должна была происходить Елена. Возможно, впоследствии именно они, а не аланы и асы, о которых упоминал ал-Бируни (Оллсен Т. Т. 2003. С. 358, сн. 40), совместно с кипчаками, доходя до Волги, оказывали мужественное сопротивление при вторжении монголов (Плетнева С. А. 2010. С. 190–192). В любом случае, источники ничего не сообщают о некоей ликвидации аланского княжества на Северском Донце, как решили отдельные исследователи (Карсанов А. Н. 1990. С. 11).

Некоторые авторы ошибочно относят асов к самим половцам, что в таком случае сказывается и на указании на Елену как на половчанку (История… 2010. С. 416, 448; 2010а. С. 146, 195; 2010б. С. 410, 424). Но жены-половчанки русских князей хорошо известны из русских письменных источников. Они всегда представляются именно как половчанки, порой с конкретным определением их отцов. Таким образом, указания источников на происхождение Елены из ясов только особо подчеркивают отличие ее народа от собственно половцев. Кроме того, заметим, что, если значительная часть половцев после поражения от русских князей, как и в 1111 г., откатывается на Северный Кавказ, а затем и в Закавказье, то ясы, как мы знаем, уходят в русское княжество.

Столь же неприемлема попытка «размыть» этнический вопрос в отношении Елены (Морозова Л. Е. 2016. С. 117). Другие полагают, что речь шла не о ясах на Донце (Артамонов М. И. 2001. С. 477), а об отряде союзных половцам асов (Гадло А. В. 1994. С. 190, прим. 56). Данные утверждения некорректны, т. к. асы изначально отличны от тюркоязычных половцев, а в походе Ярополк захватил три города, что свидетельствует об оседд-

лом образе жизни его противников. Кроме того, странным представлялось бы присутствие в отряде ясов, ведшим боевые действия, дочери аланского князя.

К сожалению, у нас нет возможности строго полагать изначальное христианское вероисповедание Елены или принятие ею христианства после пленения, хотя давно справедливо замечено наличие среди местного населения христиан, т. к. в походе 1111 г. русские князья были мирно приняты единоверным им, христианским населением одного из городов (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 190–191). Но следует согласиться с замечанием, что свидетельство о приводе вместе с Еленой и других ясов говорит об их вероятном значительном количестве, а женитьба на Елене Ярополка подтверждает ее знатное происхождение, т. к. в противном случае она могла бы оказаться в роли наложницы (Миллер В. Ф. 1992. С. 565–566).

Как устанавливают современные исследования, в те времена в русской княжеской среде не было браков-мезальянсов, а с принятием христианства брак-венчание стал обязателен только в среде высшей знати и был возвышен до значения союза Христа с церковью (Полякова С. Г. 2006. С. 14). Вполне справедливо замечание, что женитьба Ярополка на Елене никак не диктовалась политическими причинами (Морозова Л. Е. 2013. С. 127) или иными расчетами, что позволяет говорить о браке, заключенном по любви. Видимо, недаром в Ипатьевской летописи отмечается и особая красота дочери ясского князя.

Исследователи, давно отмечая данные свидетельства летописей, полагали расселение приведенных ясов в южных владениях княжества Ярополка, предполагая для тех событий свидетельства и некоторых других источников (Ляскоронский В. Г. 1903. С. 266; Бубенок О. Б. 1997. С. 119–120). Полагалось, что таким образом часть ясов вошла в состав русского народа (Костомаров Н. 1872. С. 186), ассимилировалась среди русского населения (Карсанов А. Н. 1990. С. 11). Действительно, не исключено, что фиксируемые ясские топонимы на территории бывшего Переяславского княжества (совр. Полтавская область, Украина) могут быть связаны с переселением на его территорию ясов в результате похода 1116 г., что отражало действия Ярополка по укреплению южных границ своего княжества. Впоследствии часть ясов вместе с Ярополком и Еленой могла переселиться в Киев (Бубенок О. Б. 2018. С. 34; 2018а. С. 15).

Принадлежащими Елене считаются разные типы печатей с кириллическими надписями разной степени сохранности (Жуков И. А. 2018. С. 28). Все они происходят из частных коллекций. Первая была найдена в Черкасской области (Украина) в 2011 г. На аверсе — погрудное изображение

Илл. 21. Печать Елены (по: https://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=1856699&st=140)

Илл. 22. Печать Елены (по: https://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=1856699&st=140)

Илл. 23. Печать Олены (по: https://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=1856699&st=140)

святой Елены без короны, с крестом в правой руке, благословляющая левой рукой. Двусторонняя надпись: «НАГІА ЕЛЕNІ» — «Святая Елена». На реверсе — четырехстрочная надпись «†Г(ОСПОД)Н, ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕ ЕЛЕNА†» — «†Господи, помоги рабе своей Елене†» (Жуков И. 2012. С. 5, рис. 1; 2018. С. 28, тип 1) (илл. 21). Данный тип печати самый ранний, видимо, относится к периоду княжения Ярополка в Переяславле.

Вторая печать была найдена в том же 2011 г. на Украине. На аверсе — погрудное изображение святой Елены в княжеском одеянии, низком головном уборе, украшенном жемчужинами, с крестом в правой руке, благословляющая левой рукой. Двусторонняя надпись «ЕЛ(Е)N(А) А(ГІА)» — «Елена Святая». По периметру, между двумя ободками, надпись: «†Г(ОСПОД)Н, ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕ ЕЛЕNА†» — «†Господи, помоги рабе своей Елене†». На реверсе — погрудное изображение св. Иоанна Предтечи с крестом на левом плече, с двусторонней надписью: «А(ГИОС) НВ(А)N» — «Святой Иван». По периметру, между двумя ободками, надпись: «†Г(ОСПОД)Н, ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМУ НВ(А)NУ†» — «†Господи, помоги рабу своему Ивану†» (Жуков И. 2012. С. 5, рис. 2; 2018. С. 28, тип 2а) (илл. 22). Как справедливо отметили исследователи, такое преображение в одеяниях св. Елены необычно для XII в. и более, как будто, не встречается (Жуков И. 2012. С. 5). Могло ли ее княжеское одеяние так отражать факт получения Еленой статуса Великой княгини?

Третья печать была найдена в 2012 г. в Киевской области (Украина). На аверсе — погрудное изображение святой Елены в высоком головном уборе, с крестом в правой руке, левая рука в благословляющем жесте. Двусторонняя надпись: «ОЛ(Е)N(А) А(ГІА)» — «Олена святая». По периметру, между двумя ободками, надпись: «†Г(ОСПОД)Н ПОМОЗН (РАБЕ СВО)Е ОЛЕNА†» — «†Господи, помоги рабе своей Олене†». На реверсе — погрудное изображение св. Иоанна Предтечи с крестом на левом плече. Двусторонняя надпись: «НВ(А)N А(ГІОС)» — «Иван святой». По периметру, между двумя ободками, надпись: «†Г(ОСПОД)Н ПОМОЗН (РАБУ СВОЕМ)У НВАNУ†» — «†Господи, помоги рабу своему Ивану†» (илл. 23).

По благопожелательным надписям, печати датируются 1113–1139 гг. Подобный образ Иоанна Предтечи в этот период встречается только на печатях Ярополка (Иоанна) II Владимировича. Стилистически изображения Иоанна Предтечи на печатях Елены и Ярополка очень близки, что позволяет говорить об их изготовлении одним резчиком. Для женских печатей XII–XIII вв. было характерно помещение на них изображения святого — патрона мужа (Жуков И. 2012. С. 5–6). Находки печатей Елены, как и печатей других княгинь, по мнению специалистов, свидетельствуют о том, что такие знатные женщины непосредственно участвовали в административном

управлении, заключая договора, утверждая официальные документы и принимая дипломатические посольства (Полякова С. Г. 2006. С. 17). Заметим, что уровень развития общества ясов, учитывая приведенные наблюдения, вполне мог способствовать быстрой адаптации Елены к необходимости выполнения соответствующих государственных функций.

В настоящее время на отдельных сайтах интернета помещены изображения и других печатей, видимо, происходящие из частных коллекций и также представленные как печати Елены Яски. Они включают в себя печати самого раннего типа, переяславского периода. Если полагаемое отождествление некоторых из них представляется допустимым, то для других могут сохраняться сомнения. Представлены также печати киевского периода. Лишь для некоторых из них указываются общие ориентиры места находки — Киевская область, Ракитенский район (Украина), Черниговская область (Украина), Киевская область, Барышевский район (Украина). Таким образом, в настоящее время можно полагать находки около 15 печатей Елены (Олена) Яски, которые, несомненно, еще нуждаются в оценке специалистов на предмет их подлинности.

Приведенные материалы позволяют сформулировать некоторые замечания. Во второй половине XI в. наблюдается не ослабление Аланского государства в связи с разворачивавшимися в нем процессами децентрализации, как ранее полагали некоторые исследователи, а наоборот — расцвет Алании и усиление ее централизации как единого государства во главе со своим правителем, обладавшим верховной властью, распространявшейся и признаваемой всеми слоями аланского общества. Многие представители аланской аристократии в этот период находились на службе непосредственно в Византийской империи, занимая высокие посты, как при императорском дворе, так и в провинциях. Служба касалась не только неких разовых акций. Аланские аристократы проходили продолжительную службу, заметно поднимаясь по карьерной лестнице империи.

Вместе с тем, данная служба не означала вассальной зависимости Алании, сохранявшей независимые и равноправные позиции с Византией. Аланские правители, как и другие представители аланской аристократии, демонстративно использовали византийские титулы и звания. Мы знаем, что аланские правители непосредственно участвовали в событиях вдалеке от своей родины, поддерживая сторону Византии. Заметим, что покупка печати эксусиократора Гавриила в Стамбуле также может указывать, хотя и необязательно, на пребывание данного аланского правителя в Византии.

Несомненно, аланская аристократия отличалась глубоким погружением в византийскую жизнь, включая ее религиозную, христианскую составляющую. Вместе с тем, если аристократы, служившие в самой империи,

пользуются только христианскими именами, то среди правителей Алании сохраняются традиционные имена. Параллелью такому положению могут служить, например, представления русских князей того же периода. Известно, что процессы христианизации были достаточно длительными в различных государствах. Видимо, аланские правители более учитывали и сохранявшиеся традиционные воззрения своего народа, чем аристократы, находившиеся далеко от родины и ориентировавшиеся в своей повседневности на византийские традиции.

Глубокое погружение в условия византийской жизни определяло для аристократов, включая и нецарствующих представителей аланской правящей династии, использование при своем представлении своего аланского этнического происхождения. Но, судя по печатям Ирины, женщины не включались в данный процесс. Такое определение, ориентированное на византийское окружение, в свою очередь, опровергает некоторые современные «мнения», пытающиеся представить алан как некую полиэтничную массу, трактовать их название расширительно, а порой и надэтнично. Некоторые особенности падежных конструкций надписей могли бы подтвердить именно аланский (староосетинский) характер их языка. Правители Алании таким определением не пользовались, ориентируясь на внутригосударственные условия. Отсутствие в их представлении «Алан» опровергает и мнение о его родовом (фамильном) значении.

Кроме того, заметим, что аланские аристократы на службе в Византии особо подчеркивали свое этническое происхождение именно как алан, не используя, как и представители правящего рода, иные известные из источников этнические определения для родственных между собой этнических групп (асы, дигоры, ас-дигоры). По Менандру, у алан были разные народы (Алемань А. 2003. С. 254). Согласно Ибн ал-Асиру, аланы состояли из многих народностей (Из Тарих-ал-Камиль. 1940. С. 106). Собирательный смысл их названия (Выписки из Ибн-эль-Атира… 1854. С. 659, сн. 28) не выходит и со временем за рамки этнического родства, как посчитали с указанного давнего посыла некоторые современные авторы, распространив его и на асов (Кузнецов В. А. 1962. С. 11, 62, 74, 118, сн. 379, 119, 132), хотя и непоследовательно (Кузнецов В. А. 1962. С. 125). Так, Никифор Василаки отмечал наличие многих племен у единого аланского народа (Алемань А. 2003. С. 305). Данное наблюдение важно и в том плане, что, по сообщению Ибн-Руста, аланы состояли из четырех племен, а благородство и царская власть принадлежала племени D.hsās, которое справедливо сопоставляется с аланским народом аш-дигор «Ашхарацуйц» (Туаллагов А. А. 2010. С. 32). Аланская самоидентификация высшей аристократии в период максимального усиления централизации их государства указывает на

соответствующий приоритет эндоэтнонима для социально-государственного начала.

Несомненно, государственные структуры Алании в тот период развивались в рамках христианского направления. Утверждение о поверхностной христианизации Алании, выдвигавшийся некоторыми исследователями, представляется не совсем корректным в том плане, что не учитывает длительность процесса христаинизации, особенности функционирования центра Аланской митрополии, подменяет реалии последующего разгрома и уничтожения Аланского царства монголами, что и прервало процесс христианизации, чего не было, например, на Руси. В результате наблюдались «откат» от христианских традиций и складывание этнизированного христианства. Некоторые авторы полагают, что в XI в. речь должна уже идти не о христианизации, а о евангелизации социальной верхушки Алании (Кузнецов В. А. 2002. С. 124).

Интересно также сопоставить представленные на печатях аланской аристократии образы Богоматери, св. Иоанна Предтечи, св. Николая, св. Феодора, св. Георгия с образами традиционного осетинского пантеона — Мады Майрæн/Мади Майрæн (Мадæ Майрæн), Фыд Иуане (Фыдыуани)/Фид-Иуане, Никкола (Нигкола), Тутыр/Тотур, Уастырджи/Уаскерги (Уасгерги). Сопоставление откроет важные схождения, а печати укажут на период проникновения и адаптации соответствующих христианских образов к условиям Алании. Здесь особо выделяется тип святых воинов, который сложился в X в., получив распространение в XI–XIII вв. Для образа, например, конкретно Уастырджи интересно будет приведенное сопоставление с находками изображений конного святого воина (Малахов С. Н. 2017б. С. 171–173), возможно, дающее и различие влияния христианского образа св. Георгия на аристократические и более широкие общественные круги аланского общества. Именно образы св. воинов Георгия и Федора (White M. 2013. P. 21–93) окажут влияние на образы могущественных богов традиционного аланского пантеона. Заметим, что и образ Богоматери Никопеи, представленный на печати Гавриила, напоминает о ее воинственном восприятии.

Конечно, представленная выборка печатей аланской высшей аристократии достаточно ограничена. Но она, как представляется, позволяет рассматривать ее и как косвенное свидетельство еще одного явления. Специалистам известно, что кроме печатей служивших в империи представителей различных народов, на которых представлены тексты на византийско-греческом языке, имелись и печати, на которых кроме греческого текста содержались тексты на языках этих народов (арабский, сирийский, армянский, грузинский) или смешанные. Все наши печати содержат только

греческие надписи. Отдельные авторы выдвигали утверждения, что у алан еще до христианизации существовала некая собственная письменность, что некорректно (Туаллагов А. А, 2018. С. 154–165). Печати аланской аристократии свидетельствуют в пользу того, что вместе с православным христианством к аланам пришла и греческая письменность. Аланы, у которых не было до этого собственной письменности, со временем предприняли попытки применения греческого алфавита для написания на собственном языке (Туаллагов А. А. 2015).

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. О собственных именах нартовского эпоса // Язык и мышление. М.-Л., 1935. Т. V.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.

Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

Агрба И. Ш. Константин Багрянородный и некоторые вопросы из истории Абхазского царства (конец VIII–X вв.) // Труды Абхазского государственного университета им. А. М. Горького. Сухуми, 1989. Т. VII.

Аджинджал Е. К. О титулатуре абхазских царей // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Сухум, 2013. Вып. VII.

Алборов Б. А. Заметки по нартскому эпосу. 1958 // НА СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. I. Д. 165.

Алексеенко Н. А. Херсон-Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства. Международная конференция. Материалы. М., 2012.

Алексеенко Н. А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Крыма. Симферополь, 2013. Т. XVIII.

Алексеенко Н. А. Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сентября 2014 г. Волгоград, 2014.

Алексеенко Н. А. Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства. М., 2016.

Алексеенко Н. А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017.

Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Херсонесский сборник: Выпуск XVII. Сборник научных статей. Севастополь, 2012.

Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике легендарные свидетельства или исторические реалии // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: тезисы докладов и сообщений IV Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05–05.06.2012). Симферополь, 2012а.

Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Новые материалы к сфрагистической карте Крыма: моливдовул Иоанна Комнина из района мыса Сарыч // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна / Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5–7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 2012б.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Алфьоров О. Молівдовули київских князів другої половини XI-кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної коллекції О. Шереметьєва) // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. II.

Алфьоров О. Жиночі печаткі Київської Русі // Спеціальні історичні дисципліни: питання теоріі та методики: збірник наукових праць. Київ, 2013. Число 22–23.

Амичба Г. А. Новый Афон и его окрестности (исторический очерк). Сухуми, 1988.

Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966. Т. I.

Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1963.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959.

Аргун А. В. Вислая печать из привратной башни Анакопийской крепости // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.). Краснодар, 2016.

Аргун А. В. Монетные находки археологической экспедиции АН-15 // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар, 2017.

Арсанукаев Р. Д. Вайнахи и аланы. Баку, 2002.

Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2001.

Арутюнова-Фиданян В. А. Византийские правители фемы Иверия // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. Ереван, 1973. № 2.

Архиепископ Стефан (Каладжаишвили). Новые сведения о местах переселения, кончины и погребения прп. Максима Исповедника // XXIV Ежегодная богословская

конференция Православного Свято-Тихановского гуманитарного университета. М., 2013. Т. 2. № 21.

Афанасьев Г. Е. Кто же действительно построил для хазар Левобережное Цимлянское городище? // РА. М., 2011. № 3.

Афанасьев Г. Ф., Красильников К. И. Византийские архитектурные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. Группы по археологии Кавказа. М., 2012. Вып. I.

Байрамкулов А. М. Правда об аланах. Ставрополь, 1999.

Балабанов Т. Нови моливдовули на византийски сановници, открити във Велики Преслав // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика 3. Част 2. Studia in honorem professoris Iordankae Iurukova. София, 2007.

Василий Эзосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар. Перевели и комментариями снабдили докт. ист. н. В. Д. Дондуа, докт. ист. н. М. М. Бердзнишвили // Картлис Цховреба (История Грузии). Тбилиси, 2008.

Белецкий Д. В. Заметки о Нузальской церкви // Историко-филологический архив. 2. Владикваказ, 2004.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // РА. М., 2004. № 3.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА. М., 2005. № 1.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // XIV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М., 2005а.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства и Северо-Западного Кавказа. М., 2011.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Храмовая архитектура Анакопийской крепости // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011а.

Бенешевич В. Н. Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Акридского (С приложением фотографического списка) // Византийский Временник. Пг., 1915–1916. Т. XXII. Вып. 1 и 2.

Бзаров Р. С. Из истории аланской культуры. М., 2014.

Бзаров Р. С. Что такой Багъайтæ? (К истории заселения территории Донифарсской общины) // Вестник СОГУ. Владикавказ, 2018. № 1.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XI-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М., 1981.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Бибиков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. II. М., 2009.

Битарти З. А. Ахурамазда>Уырызмаг>Atar>arta>art // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 2016. Т. XLI.

Бобров Ю. Г. Основы иконографии памятников христианского искусства. М., 2010.

Бриллиантов А. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Христианский Восток. Пг., 1918. Т. VI. Вып. I.

Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев, 1997.

Бубенок О. Б. Данные письменных источников об аланах Юго-Западного Крыма // Східний світ. Київ, 2017. № 3.

Бубенок О. Б. Аланы Северного Кавказа в истории Руси послехазарского периода // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции. М., 2018.

Бубенок О. Б. Аланы Северного Кавказа и Русь в послехазарский период // Східний світ. Київ, 2018а. № 3.

Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990.

Васильевский В. Г. О севастократориссе Ирине. (Заметка по поводу статьи А. И. Кирпичникова) // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1893. Январь. Ч. CCLXXXV. Отд. III.

Виноградов А. Ю. Очерк истории аланского христианства в X-XII вв. // KANIΣKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006.

Виноградов А. Ю. Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства VIII–IX веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011.

Виноградов А. Ю. Византийская лента протоспафария из Мощевой балки // III «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Памятники раннего христианства на западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы Международной. археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар, 2013.

Виноградов А. Ю. Еще раз к вопросу о месте ссылки, смерти и погребения прп. Максима Исповедника // Богословские труды. М., 2013а. Вып. 45.

Виноградов А. Ю. Греческие тексты из Мощевой балки и поэтическая структура византийских аккламаций // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. СПб., 2014.

Виноградов А. Ю. Стратегия имянаречения Багратидов (до XIII в.) // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ. Сборник научных стетей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014а.

Виноградов А. Ю. Глава 2. Стратегия имянаречения у восточно-христианских правителей VII–XIII вв. в сравнительной перспективе (Багратиды, Комнины, Рюриковичи): an approach // Средневековая Европа. Запад и Восток. М., 2015.

Виноградов А. Ю. Абхазское царство — опыт политогенеза между христианством и исламом // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016.

Виноградов А. Ю. Кувшин царя Бакура — новый источник по ранней истории Кавказа // Interdisciplinary Archaeology. II. Tbilisi, 2013 [сайт] URL: https://publications.hse.ru/articles/230283650.

Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. Печать Константина, сына эксусиократора всей Алании, из Анакопии (ок. 1065–1075 гг.). 2018 (рукопись).

Виноградов В. Б. О реальности грузинского влияния на северо-западный Кавказ в X–XIII вв. // Zurab Papaskiri-60. Inscribing annals is talking the truth. Sukhumi, 2010–2013.

Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998.

Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии Татар на кавказские и черноморские страны, с 1220 по 1224 год // Ученые записки Императорской Академии Наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1854. Т. II.

Габриелян Р. А. Армянские источники об аланах. Ереван, 1985. Вып. III.

Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения. I–X вв. Ереван, 1989.

Гаглойти Юри. Æрæмысгæ концепци // Мах дуг. Орджоникидзе, 1971. № 12.

Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

Гаглойти Ю. С. Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах // Дарьял. Владикавказ, 2000. № 1.

Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.

Гаглойти Ю. С. Избранные труды. I. Цхинвал, 2010.

Гаглойти Ю. С. Нарты и аланы. Цхинвал, 2017.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XII вв. СПб., 1994.

Грузинские дворянские грамоты. (Материалы для пятого Археологического съезда). Составил Д. П. Пурцеладзе. Тифлис, 1881.

Грузинские документы IX–X вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Перевод и комментарии С. С. Какабадзе. М., 1982.

Гумба Г. Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н. э.). Сухум, 2016.

Гуриев Т. А. Этимологический состав имен алан-асов китайских летописей // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 12–18 октября 1991 г. Орджоникидзе, 1991.

Гуриев Т. А. Наследие скифов и алан: Очерки о словах и именах. Владикавказ, 1991а.

Гуриев Т. А. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010.

Гутнов Ф. Х. Стадиально-типологическая характеристика Аланского государства X–XII вв. // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 12–18 октября 1991 г. Орджоникидзе, 1991.

Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.

Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2007. Ч. I.

Гутнов Ф. Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ, 2011.

Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2014. Ч. III.Северный Кавказ в XIII–XV вв.

Гутнов Ф. Х. Заметки о славяно-аланских контактах // Кавказский сборник. М., 2017. Т. 10 (42).

Дбар Д. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Дисс. канд. богословия. Сергиев Посад, 2001.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. — Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. — О царях Хазаретии. — Алгузиани // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. XXII. Отд. I.

Джиоев М. К. Историк Давида Строителя о грузино-северокавказских отношениях в первой четверти XII в. // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1990. Вып. XXXIII.

Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.

Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I.

Дзиццойты Ю. А. К вопросу о реликтах скифо-сармато-аланской лексики в топонимии Осетии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Догузов К. Г. Византийско-аланские отношения в X в. // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1989. Вып. XXXIII.

Догузов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2.

Дударов А.-М. М. К вопросу о религиозной принадлежности алан // Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара. Магас, 2016.

Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917.

Жуков И. Вислые печати князя Ярополка (Ивана) Владимировича (1082–1139 гг.) // Нумізматика і Фалеристика: довіково-інформаційний журнал. Київ, 2011. № 4 (60).

Жуков И. Вислые печати княжны Елены Ясыни, жены Киевского князя Ярополка Владимировича // Нумізматика і Фалеристика: довіково-інформаційний журнал. Київ, 2012. № 2 (62).

Жуков И. А. Вислые печати князя Ярополка (Ивана) Владимировича (1082–1139) и княгини Елены Ясыни // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск, 2018. Т. 5. Спецвыпуск «Сфрагистический сборник».

Зайбт В. Византийские печати из Алании «μητροπολίτης ’Αλανίας» и «ἐξουσιοκράτωρ ’Αλανίας» // Новое в византийской сфрагистике: международная научная конференция, посвященная юбилею В. С. Шандровской: тезисы докладов. СПб., 2002.

Зайбт В. ΚΥΡ ΧΕΡΣΩΝΟΣ // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь, 2018. Вып. XXIII.

Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1995. Вып. 27.

Зетейшвили С. Г. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976.

Иерусалимская А. А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.

Из Тарих-ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Перевод П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.

История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3-х т. Нальчик, 2010. Т. 1.

История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3-х т. Нальчик, 2010а. Т. 2.

История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3-х т. Нальчик, 2010б. Т. 3.

Йорданов И. Относно притежателя на сребърния сервиз от Величково, Пазарджишко // Известия на Националния археологически институт. In honorem professoris Георги Кузманов. София, 2013. Т. XLI.

Йорданов И. I. Jordanov. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria, volume 1-3, Sofia, 2003, 2006, 2009. Addenda et corrigenda (2) // България в европеската култура, наука, образование, религия. Част 1. Материали от Четвъртата национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България» — Шумен, 14–16.05.2014 година. Шумен, 2015.

Йорданов И., Морева-Арабова Р. Оловни византийски печати от района на Асеновград // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. София, 2013. Т. 9.

Каждан А. И. К истории византино-кавказских связей на рубеже XI и XII веков // Историко-Филологический Журнал. Ереван, 1967. № 1.

Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.

Калинина Т. М. Знать хазар по данным арабо-хазарских источников // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4.

Калинина Т. М. 1. Хазария по данным восточных источников // Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014.

Капанадзе Д. Г. О медной монете с именами Георгия и Тамары // КСИИМК. М.-Л., 1949. Вып. XXIV.

Карсанов А. Н. Ясы на Руси // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1990. Вып. XXXIV.

Карсанов А. Н. Об одном известии Ипатьевской летописи // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995.

Кекавмен. Советы и рассказы: Поучения византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. СПб., 2003.

Кекелидзе К. Сведения грузинских источников о препод. Максиме Исповединике. Труды Кивеской Духовной Академии. Киев, 1912. № 9.

Кекелидзе К. Сведения грузинских источников о препод. Максиме Исповединике. Труды Кивеской Духовной Академии. Киев, 1912а. № 11.

Кодзаев К. М. Верховна власть алан (I–X вв.). Владикавказ, 2008.

Коматина П. Византијска титула Константина Бодина // Зборник радова Византолошког Института XLVIII (Recueil des trvaux de l'Institut d'Études Byzantines XLVIII). Београд, 2011.

Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. II.

Коробов Д. М. Система расселения алан Центрального Предкавказья в 1 тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Дисс. … докт. ист. наук. М., 2014. Т. 1.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Том 1.

Кубанов А. Х. Ассия и Асгард на Кавказе или по следам Т. Хейердала. Очерки и заметки. М.-Ставрополь, 2004.

Кузенков П. В. Реальная политика или великодержавная идеология? Византийская дипломатия X в. по данным трактатов Константина Багрянородного // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. № 106.

Кузнецов В. А. Христианство в Алании в X в. // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1978. Вып. XXIII. С. 25–36.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.

Кузнецов В. А. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.

Кузнецов В. А. Аланы и Кавказ: Осетинская эпопея обретения Родины. Владикавказ, 2014.

Кузнецов В. А. Древности Алагирского ущелья. Владикавказ, 2016.

Кузьмин А. В. Мария Шварновна // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. XLIII. Макмим-Маркелл I.

Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

Кусаева З. К. Ментальный код осетин в ясской ономастике: к вопросу об этническом происхождении великой княгини Владимирской Марии Ясыни // Вопросы литературы и фольклора: Сборник научных статей. Владикавказ, 2017. Вып. IX.

Кусаева З. К. Мировоззренческие понятия индоиранского мира xsar и farn в ясской (осетинской) ономастике: к вопросу об этимологии имени Шварн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 1 (79). Ч. 1.

Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. М., 1953. Т. VI.

Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных Графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. 1896 1/II 1911. Со многими таблицами и рисунками в тексте. СПб., 1911.

Левченко М. В. История Византии. Краткий очерк. М.-Л., 1940.

Летопись Картли. Перевод и примечания академика М. Д. Лордкипанидзе // Картлис Цховреба (История Грузии). Тбилиси, 2008.

Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи, изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых православных икон. СПб., 1911.

Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока. К XVIII Международному конгрессу византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.) / Составитель и автор комментариев кандидат исторических наук В. С. Шандровская // Научное наследство. М., 1991. Т. 19.

Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М., 2010.

Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до середины XIII века. Монография. Київ, 1903.

М. Б. Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil. Kaiserhof (Veröffentlichungern der Komission für Byzantinistik, Bd. II). Wien, 1978. 350 S.+12 Taf. // Византийский временник. М., 1981. Т. 42 (67).

Малахов С. Н. Византийский титул правителя Алании // Славяне и их соседи: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Западной Европы. Тезисы XIV конференции. М., 1995.

Малахов С. Н. Из алано-тюркской ономастики // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (24–26 апреля 2003 г.). Ставрополь, 2003.

Малахов С. Н. Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 26–27 мая 2004 г. М., 2004.

Малахов С. Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей: избранные статьи. М., 2015.

Малахов С. Н. Печать протопроедра и эксусиократора всей Алании Константина: проблемы атрибуции и датировки // Аланское православие: история и культура: сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2017.

Малахов С. Н. К истории почитания св. Николая Мирликийского в аланской церкви // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2017а. Вып. 26 (65).

Малахов С. Н. Образ св. Георгия в аланской ставрографии XI-XII вв. // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая-2 июня 2017 г.). Краснодар, 2017б.

Малахов С. Н. Алано-греческие языковые контакты в Средневековье // Динамика языковых процессов в условиях поликультурного пространства Северного Кавказа: Сборник научных статей по итогам работы Региональной научной конференции с международным участием (11–13 октября 2017 года). Армавир, 2017в. Т. 1.

Малахов С. Н. Византийский титул аланского правителя в X-XII вв. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Научный альманах в честь археолога, историка, культуролога Юрия Анатольевича Прокопенко в связи с его пятидесятилетием. Армавир-Ставрополь, 2019. Вып. 11.

Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиция. М., 2014.

Мамиев М. Э. О времени и обстоятельствах появления аланского династического имени Ægузатæ // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–23 апреля 2014 г. М., 2014а.

Мамиев М. Царский дом Алании // Чырыстон Ир. Владикавказ, 2015. № 2 (5).

Мамиев М. Э. О социальной принадлежности Урдура // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2016. Вып. 22 (61).

Мамиев М. Э. Аланская христианская антропонимия Зеленчукской надписи // Историко-филологический архив. 8. Владикавказ, 2017.

Машенцев Д. Г. Православные святые в христианской истории осетинского народа (к 1100-летию крещения Алании-Осетии). Выпускная квалификационная работа студента IV курса бакалавриата ВДС. Владимир, 2018.

Микаберидзе А. Новые штрихи к портрету византийской императрицы Марии Вотаниати // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2005.

Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.

Михайлов М. И. Западная Алания в XI веке: эпоха династических браков // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2008. № 3 (28).

Могаричев Ю. М. К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы

международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 сентября 2013 г.). СПб., 2013.

Могаричев Ю. М. Хазария XI в.: Крым или Северный Кавказ // Археология и этнография Кавказа и Крыма: тезисы научной конференции, Санкт-Петербург, 6–8 апреля 2017 года. СПб., 2017.

Морозова Л. Е. Горянки на русском престоле XII–XVI вв. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик. Нальчик–М., 2013. Т. 1.

Морозова Л. Е. Горянки — жены русских государей XI-XVI вв. // Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений: Сборник статей Международной научно-практической конференции Ростов-на-Дону, 4 декабря 2013 г. М., 2016.

Мудрак О. А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // Хазарский альманах. М., 2016. Т. 14.

Муретов М. Д. Творение св. отца нашего Максима Исповедника. Ч. I. Житие прп. Максима и служба ему. СПб., 2009.

Налбандян Г. М. Армянские личные имена скифо-алано-осетинского происхождения // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.

Нарожный Е. И. Новые публикации грузинских письменных источников (Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая. Вып. 1. Текст. М. 2005. 142 с.; Г. В. Цулая. Святые и мученики в истории Грузии (Агиографические этюды). М. 2006. 2016 с.) // Археологический журнал. Армавир, 2007. № 1.

Науменко В. Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2016. Т. 21. № 5.

Новичихин А. М. Анапская Никопея (к атрибуции загадочного изображения «девы с младенцем») // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар, 2017.

Оллсен Т. Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217-1237 годах // Научный Татарстан. Казань, 2003. № 2–4.

Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии, составленная по Высочайшему повелению Профессором С.-Петербургского Университета Н. Кондаковым, грузинские надписи прочтены и истолкованы Дмитрием Бакрадзе. С 82 рисунками в тексте. СПб., 1890.

Очерки истории Грузии: в 8 т. Т. 2. Грузия в IV-X веках / Под редакцией М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мусхелишвиди. Тбилиси, 1988 [сайт] URL: http://b-ok.org/book/3055416/7f449b.

Памятник Эриставов. Перевод, исследование и примечания С. С. Какабадзе // Памятники грузинской исторической литературы II. Источники по истории Грузии 12. Тбилиси, 1979.

Перевалов С. М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНЦ. Владикавказ, 2011. Т. II. № 1.

Перевалов С. М. Казус Марии Всеволожей: версия осетинского происхождения русской княгини // Цивилизация и варварство. Человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 2). М., 2018. Вып. VII.

Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества XI–XIII вв. М., 1975.

Плетнева С. А. Глава 9. Кочевое население и феодальные государства Юго-Восточной Европы в X–XIV вв. // История Европы: в восьми томах. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. Т. 2. Средневековая Европа.

Плетнева С. А. Половцы. М., 2010.

Полное Жизнеописание Святых Грузинской Церкви. Жребий Божией Матери. Составил и перевел с грузинских подлинников Михаил Сабинин. Издание автора. СПб., 1873. Ч. 3.

Полное Собрание Русских Летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. СПб., 1846. Том первый. I. II. Лаврентиевская и Троицкая летописи.

Полное Собрание Русских Летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. СПб., 1843. Том второй. III. Ипатиевская летопись.

Полное Собрание Русских Летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. СПб., 1856. Том седьмой. VII. Летопись по Воскресенскому списку.

Полное Собрание Русских Летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. СПб., 1862. Том девятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.

Полякова С. Г. Княгини Древней Руси X-первой половины XIII вв.: социальный статус и роль в государственной политике. Автореф. … канд. ист. наук. 07.00.02. Брянск, 2006.

Плетнева С. А. Половцы. М., 2010.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950.

Пчелина Е. Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии (По поводу находки сасанидского кубка) // Труды Отдела Истории культуры и искусства Востока. Л., 1947. Т. 4.

Пьянков А. В. Средневековые печати-подвески // Каталог войсковых и станичных печатей XVIII–XX вв. из коллекции КГИАМЗ. Краснодар, 2011.

Радзивиловская или Кенингсбергская Летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ Звенигородская 11, 1902.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2007. Т. 3.

Роменский А. А. Последний пир князя Ростислава: политический контекст отношений Руси и Византии на Тамани и в Таврике в 60-е–70-е гг. XI в. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск, 2015. Вып. 7.

Салбиев Т. К. Аланская царская династия в Нартиаде (проблема стадиальности эпопеи) // Вестник СОИГСИ. Владикавказ, 2018. № 30 (69).

Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойца до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884.

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.

Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Амичба Г. А. Сухуми, 1986.

Сорочан С. Б. К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки // Харьковский историко-археологический ежегодник. Древности 2014–2015. Харьков, 2015. Вып. 13.

Сорочан С. Б., Флёров В. С. Лента из Мощевой Балки: проблемы толкования источника // РА. М., 2015. № 2.

Степаненко В. П. Еще раз о локализации Хазарии в XI веке // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь, 2014. Вып. XIX.

Степаненко В. П. Тьмутатакань и Византия в конце XI в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12. Юбилейный межвузовский сборник.

Степаненко В. П. Рец. на: Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. — Milan: 5 Continents Publ., 2016. — 521 p. (Collections byzantunes du MAH-Genève, Vol. 5) // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Тавриды. Симферополь, 2016. Т. XXI.

Степаненко В. П., Алексеенко Н. А. Фема Иверия в XI в. (по данным сфрагистики) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. К 60-летию доктора исторических наук, профессора В. П. Степаненко.

Степаненко В. П., Степанова Е. В. Šandrovskaja V. S., Saibt W. unter Mitarbeit von N. Saibt. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennemen. T. 1: Sammlung Lichačev-Namen von A bis I. Wien. 2005. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. T. 2: Byzantine Seals with Family Names. Sofia / Ed. I. Jordanov. Sofia, 2006 // Византийский временник. М., 2008. Т. 67 (92).

Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2005. Вып. II.

Степанова Е. В. Византийская сфрагистика в Крыму // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» / Государственный Эрмитаж. СПб., 2018.

Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид (к вопросу о его генеалогии) // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1981. Вып. XXVI.

Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид. Владикавказ, 1990.

Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид // Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2014. Т. 2.

Тогошвили Г. Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах // Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2014а. Т. 2.

Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.

Туаллагов А. А. Алания (Осетия) и миссионерская деятельность св. Андрея // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995.

Туаллагов А. А. Христианство и аланы Северного Кавказа // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2009.

Туаллагов А. А. Сведения «Ашхарацуйц» об аланах // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2010. № 4 (43). С. 24-36.

Туаллагов А. А. Зеленчукская надпись. Владикавказ, 2015.

Туаллагов А. А. Амбал Ясин // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ, 2017.

Туаллагов А. А. Известные ясы или неясные известия // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ, 2017а.

Туаллагов А. А. Сведения о письменности алан // Вопросы литературы и фольклора: Сборник научных статей. Владикавказ, 2018. Вып. X. Ч. II.

Туаллагов А. А. Дарьял — «Ворота алан» // NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ-Париж, 2018а. Т. XIII. № 1, 2.

Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007.

Флёров В. С. Заметки о хазарских кирпичах, блоках и крепостях // Хазарский альманах. М., 2015. Т. 13.

Хатуев Р. Т. Хроника аланских царей // Серия «Библиотека краеведа». Черкесск, 2007. Вып. II.

Хаханов А. С. Надписи на иконах, крестах и пр. // Материалы по археологии Кавказа. М., 1904. Т. X.

Хизриев Х. А. Чечня в период раннего средневековья (V–XII вв.) // Вестник Института развития образования ЧР. Грозный, 2014. Вып. 13.

Хотко С. Аланы и ассы в мамлюкском Египте // Дарьял. Владикавказ, 1995. № 1.

Храпунов Н. Н. Некоторые особенности развития византийской администрации Херсона // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск, 2004. Вып. XIV.

Хуршудян Э. Ш. Печать наследного принца Арана Асая // Commentationis Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. СПб., 2013.

Цулая Г. В. Святые и мученики в истории Грузии (Агиографические этюды). М., 2006.

Цулая Г. В. Силуэты Грузии — 1. М., 2007.

Цулая Г. В. Силуэты Грузии — 2. М., 2008.

Чачхалиа Д. Трехпритворная композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектонику памятников Алании, Руси и Трапезунда. М., 2016.

Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского языка. Владикавказ-Цхинвал, 2008.

Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Составлена на основе устных сказаний, народных преданий и сохранившихся старинных сведений. Цхинвал, 1993.

Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали, 1985.

Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 2000.

Чочиев А. Р., Наглер А. О. Нартиада — дописьменная история цивилизации (8-е тыс. до н. э. – 1-е тыс. н. э.). Цхинвал, 2017.

Чхаидзе В. Н. Историко-культурное наследие Византии на Юге России по новейшим археологическим материалам // Историко-культурное наследие Юга России. (Научно-практическая конференция. г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.). М., 2015.

Чхаидзе В. Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). Препринт. М., 2016.

Чхаидзе В. Н. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. Milan: 5 Continents Editions, 2016. 524 p. // Византийский временник. М., 2016а. Т. 100.

Чхаидзе В. Н. Грузинская печать византийского типа XI века // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений. Памяти Татьяны Юрьевны Стукаловой (17.12.1958–16.01.2017). М., 2017.

Чхаидзе В. Н. Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть XI в.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС. X-й Международный Византийский Семинар (Севастополь — Балаклава 28 мая — 1 июня 2018 г.). Материалы научной конференции. Севастополь; Симферополь, 2018.

Чхаидзе В. Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI-начало XIII вв.) // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь, 2018а. Вып. XXIII.

Чхаидзе В. Н., Устаева Э. Р. Византийские печати из раскопок Таманского городища // Византийский временник. М., 2009. Т. 68 (93).

Шандровская В. С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // Византийский временник. М., 1999. Т. 58 (83).

Шандровская В. С. Печать аланской принцессы // Spiclegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева. М.: СПб., 2015.

Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. III.

Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461) // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 74. Сер. 2. Исторические исследования 33. М., 2017.

Эйдель Е. К вопросу о датировке женских древнерусских печатей на примере контрмаркирования буллы Ефросинии Полоцкой из коллекции Алексея Шереметьева // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2013. Вип. IV.

Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. // Византийский временник. М., 1979. Т. 40.

Яйленко В. П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 2010.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В двух томах. Т. I. Печати X – начала XIII вв. М., 1970.

Alemany A. Ferdowsī's «King of the Alans» // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Paris–Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2017. Vol. XII. № 1, 2.

Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaria in Oleksii Sheremetiev's Collection (Алфьоров О. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії, з колекції О. Шереметьєва) // Сфрагистический меридиан: КИЇВ — КОРСУНЬ / ΧΕΡCΩΝ — ΚΩΝCΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙC: Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. Севастополь, 2013.

Alf'orov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaria (in Oleksii Sheremetiev's Collection) // Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv, 2015.

Altheim F., Stiehl R. Supplementum Aramaicum. Aramäisches aus Iran. Anhang: Das Jahr Zarathustras. Baden-Baden, 1957.

Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris–Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003. Vol. II. № 1–2.

Ballian A., Drandaki A. A Middle Byzantine silver treasure // ΜΟΥΣΕΙΟ ΜΠΕΝΑΚΗ. Αθήνα, 2003. Τ. 3.

C. M. B., A. C. Maria of «Alania» // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford, 1991. T. 2.

Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. Milan, 2016.

Catalog of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 2005. Vol. 5. The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings.

Cheybet J.-C., Theodoridis D. Sceaux Byzantins de la Collection D. Theodoridis. Les Sceaux Patronimiques // Collège de France — CNRS Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Bysance. Monographies 33. Paris, 2010.

Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Graece et Latine. E recensione Io. Iac. Reiskii cum eiusdem commentariis integris // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, MDCCCXXIX. Vol. 1.

Cotsonis J. Onomastics, Gender, Office and Images on Byzantine Lead Seals: A Means of Investigating Personal Piety // Byzantine and Modern Greek Studies. Cambridge, 2008. Vol. 32. Iss. 1.

Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. 2. Teil: Regesten von 1025–1204. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von P. Wirth mit Nachträgen zu Regesten Faszikel 3. München, 1995.

Δρανδακη Α. Ένας μεσοβυζαντινός θησαυρός ασημένιων δίσκων: οι παραστάσεις με ανθρώπινες μορφές και η ταυτότητα του θησαυρού // ΕΙΚΟΣΤΟ ΤΕΤΑΡΤΟ ΣΥΜΠΟΣΙΟ ΒΥΖΑΝΤΙΝΗΣ ΚΑΙ ΜΕΤΑΒΥΖΑΝΤΙΝΗΣ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΑΣ ΚΑΙ ΤΕΧΝΗΣ. ΠΡΟΓΡΑΜΜΑ ΚΑΙ ΠΕΡΙΛΗΨΕΙΣ ΕΙΣΗΓΗΣΕΩΝ ΚΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΩΝ. Αθήνα, 7, 8 καί 9 Μαίου 2004. Βυζαντινό καί Χριστιανικό Μουσείο. Βασ. Σοφίας 22, 'Αθήνα. Αθήνα, 2004.

Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen. Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen // Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae — 3. Bruxellense, 1935. T. III.

Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana (1095–1127). Mit Erläuterungen und einem Anhange herausgegeben von Heinrich Hagenmeyer. Heildelberg, 1913.

Georgius Cedrenos. Ioannes Scylitzae Ope // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, MDCCCXXXIX. T. II.

Golden P. B. Khazar Studies: A Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. I.

Golden P. B. Turks and Iranians: An Historical Sketch // Turkic-Iranian Contact Areas. Historical and Linguistic Aspects. Wiesbaden, 2006.

Guillermi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscandi. Edidit Rogerus Wilmans Ph. D. // Monumenta Germaniae Historica. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingetesimum. Hannoverae, MDCCCLI. T. IX.

Ioannis Scylitzae Sinopsis Historiarum. Recensuit Ioannes Turn // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Berolini et Novi Eboraci, MCMLXXIII. Vol. V. Series Berolinensis.

Ivanov S. A. Chapter 7. Religious Missions // The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492. Cambridge, 2008.

John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History 811-1057. Translated by John Wortley with introductions by Jean-Claude Cheynet and Bernard Flusin and Notes by Jean-Claude Cheynet. New York, 2010.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2006. Vol. 2: Byzantine Seals with Family Names.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3. P. 1. Text.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009a. Vol. 3. P. 2. Text and Illustrarions.

Knobloch J. Homerische Helden und christliche Heilige in der Kaukasischen Nartenerik. Heidelberg, 1991.

Lubotsky A. Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript // Österreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberischte, 859. Band. Veröffentlichungen zur Iranistik Herausgegeben von Bert G. Fragner und Florian Schwarz Nr. 76. Grammatica Iranica Herausgegeben von Velizar Sadovski Bd. 2. Wien, 2015.

Malatras Ch. Maria Campagnolo-Pothitou and Jean-Claude Cheynet, Sceaux de la collection Zacos au muse d'art et d'histoire de Geneve. Milan: 5 Continents Editions, 2016. Pp. 523 // Byzantine and Modern Greek Studies. Cambridge, 2018. Vol. 42. Iss. 1.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.

Maximus the Confessor and his Companions. Documents from Exile. Edited and translated by Pauline Allen and Bronwen Neil. Oxford, New York: Oxford University Press, 2002.

Mikaberidze A. Die byzantinische Kaiserin Maria-Martha im Lichte neuerer archäologischer Ausgrabungen // Byzantinische Malerei. Bildprogramme-Ikonographie-Stil. Symposion in Marburg vom 25.–29.6.1999. Wiesbaden, 2000.

Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. London, New York and Toronto, 1926.

Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge, 1958.

d'Ohsson C. Des Peuples du Caucase et des Pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou Voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828.

Ostrogorsky G. A. Die Byzantinische Staatenhierarchie // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'Études. Archéologie. Histoire d'Art. Etudes Byzantines (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н. П. Кондакова). Praha, 1936. T. VIII.

Rapp S. H. Jr. Caucasia and the Second Byzantine Commonwealth: Byzantinization in the Context of Regional Coherence // An NCEEER Working Paper. Washington, 2012.

Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Grecs. Paris, M DCCC LXXI. T. II.

Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, M. D. CCC. LXXXIV.

Scholion sive Hypomnesticum // Patrologiæ cursus completes. Series Latina Prior. Accurante J.-P. Migne. Parisiis, 1870. T. CXXIX.

Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1 Teil. Kaiserhof // Veröffentlichungern der Komission für Byzantinistik. Wien, 1978. Bd. II.

Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln sigilldes 10.–12 Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004.

Seibt W. Zukunftsperspektiven der byzantinischen Siegelkunde — Auf welchen Gebieten sind die bedeutendsten Wissenszuwächse zu erwarten? // ’Ήπειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography (Ioannina, 1.–3. October 2009). Wiesbaden 2011.

Seibt W. The Byzantine Thema of Soteriupolis-Anakopia in the 11th century // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. Tbilisi, 2012. Vol. 6. № 2.

Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // Зборник радова Византолошког Института L (Recueil des trvaux de l’Institut d’Études Byzantines L/1. Mélanges Ljubomir Moksimović). Београд, 2013.

Seibt W. The Eastern Frontier of Byzantium in the Decennia after Mantzikert — Can Seals Help Reconstruct Development? // Studies in Byzantine Sigillography. GmbH, Berlin, Boston, 2016. T. 12.

Seibt W., Jordanov I. Στρατηγός Σωτηρουπόλεως και Ἀνακουπίας. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jahrhundert) // Studies in Byzantine Sigillography. Munchen; Leipzig, 2006. Vol. 9.

Shukurov R. The Byzantine Turks, 1204-1461 // The medieval Mediterranean. Leiden, Boston, 2016. Vol. 105. 513 p.

Sophokles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B. C. 146 to A. D. 1100). New York, 1900.

Stiernon L. Notes de titulature et de prosographie byzantines: Adrien (Jean) et Constantin Comnène, sébastes // Revue des etudes byzantines. Paris, 1963. T. XXI.

Surguladze M. A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries) // Crusader. Сочи, 2015. Vol. (2). Iss. 2.

Szemerenyi O. Syncope in Greek and Indo-European and the Nature of Indo-European Accent (Quaderni della Sezione Linguistica degli Annali. № III). Naples, 1964.

Theodoridis D. Ein byzantinisches Bleisigel mit zwei Prägungen aus dem 11. Jahrhundert // Studies in Byzantine Sigillography 2. Washington, 1990.

Toumanoff C. Les dynasties de la Caucasie Chrétienne: de l’Antiquité jusqu’au XIXe siècle; Tables généalogiques et chronologiques. Rome, 1990.

Vinogradov A. Yu. History of Christianity in Alania before 932 // Basic Research Program. Working Papers. Series: Humaninies WP BRP 146/HUM/2017. Moscow, 2017.

White M. Military saints in Byzantium and Rus, 900–1200. New York, 2013.

Witzel M. Linguistic Evidence for Cultural Exchange in Prehistoric Western Central Asia // Sino-Platonic Papers (Department of East Asia Languages and Civilizations University of Pennsylvania). December 2003. № 129.

Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь, 2017. Вып. XXII.

SUMMARY

A special category of sources of the history of the Alans are lead seals. They make it possible to judge the service of the representatives of the highest class of Alanya in the Byzantine Empire. Some finds allow us to trace the career of individual representatives of the Alans in the service of the Empire, to judge their career level. The lead seals testify to the Christian religion of the Alanian aristocracy. Their owners emphasized their ethnic origin exactly as the Alans and did not use other well-known ethnic definitions known from sources.

Representations of the royal power in Alania itself were connected with the gentility and wealth of the ruling dynasty. They corresponded to the concept of royal power in the Byzantine Empire itself. Sources point to the attitude of the emperors of the Byzantine Empire to Alanya as an independent and equal political unity with the Byzantine Empire, connected with the empire by the unity of religion. This situation explains the existence of marriage ties between the upper layers of Byzantium and Alanya.

Data of written sources and archaeological finds of seals of representatives of the highest Alanian aristocracy in Byzantium allow to claim that by the last quarter of XIth century the supreme power in Alanya reached the maximum strength. The ruler of the state possessed unlimited and complete sovereignty of power, which extended to all areas that were part of the state of Alanya, reflecting the long gone process of consolidation of the whole Alanian society. The possible entry of other ethnic groups into state union was determined by their subordination to the Alan sovereignty. The possible entry of other ethnic groups into a state entity was determined by their subordination to Alanian sovereignty.